

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

18+

УКРАШЕНИЯ

Марк Вельский

Украшения

«Автор»

2026

Вельский М.

Украшения / М. Вельский — «Автор», 2026

Всю ночь они фотографировались рядом с мертвецами. И даже не подозревали об этом. Маленький американский город празднует Хэллоуин. Светящиеся тыквы, нарядные дома, страшные маски, детский смех. Среди праздничных украшений появляются новые жуткие фигуры, настолько реалистичные, что прохожие останавливаются сделать снимки на память. Но утром выясняется чудовищная правда. За одну ночь кто-то превратил город в декорацию собственного кровавого спектакля. Полиция пытается восстановить события по записям камер наблюдения. Однако в толпе сотни одинаковых масок, а за каждой может скрываться убийца. Вчера здесь все веселились вместе. Сегодня каждый подозревает каждого. И самое страшное — тот, кто устроил этот кошмар, может оказаться человеком, которого ты знаешь всю жизнь.

© Вельский М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НОЧЬ, КОТОРУЮ НЕ ЗАМЕТИЛИ	6
Глава 2. Лучшие украшения	13
Глава 3. Последние посетители	19
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДНЕВНОЙ СВЕТ	22
Глава 5. Пять адресов	25
Глава 6. Белые кости на чёрном	29
Глава 7. Девять минут	33
Глава 8. Человек с красными кроссовками	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марк Вельский

Украшения

УКРАШЕНИЯ

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

Атмосферный криминальный триллер

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НОЧЬ, КОТОРУЮ НЕ ЗАМЕТИЛИ

Глава 1. Город надевает маску

К пяти вечера дождь прекратился, и Ларквуд начал пахнуть мокрой листвой, воском и жареными орехами.

Вода ещё стояла в выбоинах асфальта. Оранжевые листья липли к подошвам; на деревьях их почти не осталось. Зато на крыльцах появились бумажные клёны, фанерные ветви и целые гирлянды из искусственной листвы. Кто-то обмотал ствол настоящего клёна паутиной так туго, что с противоположного тротуара дерево казалось побелевшим. На лужайке у дома судьи Бентона торчали пластиковые надгробия, а рядом лежала перевернутая газонокосилка с табличкой «ОН НЕ ДОКОСИЛ».

Прохожие останавливались, читали табличку и смеялись. Даже Бентон, который обычно жаловался на шум под окнами, в этот вечер оставил крыльцо освещённым.

Линда Фокс, управлявшая магазином одежды, закончила работу раньше обычного. Последняя покупательница всё равно задержала её: костюм для дочери оказался слишком широким, застёжка расходилась. Линда посадила девочку на высокий стул и пришила две незаметные петли. Девочка смотрела на иголку с таким ужасом, будто шили прямо на ней.

— Не дыши, — сказала Линда.

Та послушалась немедленно.

— Да я шучу. Дыши сколько хочешь.

Мать засмеялась. Девочка не стала; ей нужно было убедиться, что шутка кончилась. Линда прикусила нитку, показала застёжку. Всё держалось. Покупательница полезла за деньгами, но Линда уже закрыла кассу.

— Потом зайдёте. Нормальную куртку купите. Из этой она выросла.

Девочка прыгнула со стула и выбежала на улицу раньше матери. Та окликнула её с порога. Линда проводила обеих взглядом, выключила свет в примерочной. На зеркале остались два детских пальца, отпечатавшихся в пудре. Она потёрла их салфеткой, размазала, решила закончить завтра.

Шляпа ведьмы не помещалась в сумку. Пришлось надеть сразу. Линда посмотрела на себя в потухшую витрину. Чёрные поля делали лицо гораздо старше, зато улыбка оставалась прежней. Она поправила шляпу так, чтобы не капало за воротник, и пошла к площади.

По дороге позвонила сестра. Спросила, будет ли Линда возвращаться поздно. Та ответила, что поздно здесь не бывает: полгорода выйдет проводить праздник до утра. Сестра велела не мёрзнуть. Линда пообещала.

У пекарни она встретила знакомую, купила два стакана сидра. Свою сумку повесила на сгиб локтя, стакан держала другой рукой. Когда кто-то попросил снять шляпу для фотографии, отказалась: волосы после дождя лежали плохо. Сфотографировались так, под чёрными полями. На снимке половина лица оказалась в тени. Линда посмотрела и сказала, что очень удачно.

В нескольких кварталах от неё Мэтт Хоу пытался разглядеть себя в экране выключенного телефона. В двадцать три он работал на складе стройматериалов и считал, что выглядит усталым без всякой косметики. Купленный грим тянул кожу возле рта. Он хотел стать зомби, но получился человек, которого обмазали серой глиной и не разрешили умыться.

Друг предложил нарисовать кровь. Мэтт отказался: красный тюбик стоял отдельно, покупать ещё один он не собирался. Взял старый пиджак, расправил воротник, порвал подкладку там, где она всё равно висела лоскутом.

Мать увидела его из кухни и прижала ладонь к губам. Мэтт сделал страшное лицо. Она не выдержала, засмеялась, велела подойти к свету.

— Ты хотя бы поел?

— Мам.

— Что «мам»? В таком виде по кафе не находишься.

Он открыл холодильник, взял кусок сыра. Она поставила тарелку, он положил сыр обратно. Они спорили ещё две минуты, не сердясь по-настоящему. Мать хотела оставить его дома хотя бы на ужин; он хотел уйти раньше, чем в центре станет тесно.

— Завтра заеду, — сказал он. — Только пирог без изюма.

— Ты же с вишней просил.

— Вот и говорю, без изюма.

На пороге она поправила ему воротник. Он закатил глаза, но подождал. На материнской ладони остался серый след. Мэтт хотел вытереть, она отмахнулась.

Спускаясь по лестнице, он написал другу, что идёт. Тот ответил картинкой смеющегося черепа. Мэтт убрал телефон, вернулся на полпролёта и крикнул, что хлеба нет. Мать услышала не сразу, переспросила. Он повторил громче, рассердился и тут же рассмеялся: соседи наверняка решили, что зомби не хватает хлеба.

Эвелин Моррис дольше всего выбирала не костюм, а обувь. Соломенная шляпа уже лежала на стуле, клетчатую рубашку муж достал из шкафа утром. Резиновые сапоги выглядели как раз по роли, но в них быстро уставали ноги. Старые прогулочные ботинки были удобнее.

Муж голосовал за ботинки. Эвелин спросила, не слишком ли у пугала будут хорошие ноги. Он ответил, что пугало на ногах весь день, ему удобство нужнее всех.

Они поели рано. Эвелин собиралась помочь в библиотеке: там устроили для детей чтение страшных историй. Днём младшим, вечером тем, кто считал себя достаточно взрослым, чтобы не бояться. Муж сказал, что она опять возьмёт самое страшное. Эвелин показала книгу и постучала пальцем по обложке: сама выбрала, сама проверила.

В коридоре она забыла очки. Вернулась, забыла телефон. Муж принёс оба предмета сразу и положил в наружный карман её сумки.

— У меня всё под контролем, — сказала она.

— Вижу.

Он придержал дверь, пока она завязывала шарф. Солома, прикреплённая к рукавам, кололась. Эвелин вытащила одну длинную ость и бросила в ведро. Муж остался подметать остальные, уже осыпавшиеся на коврик.

У библиотеки её ждали двое детей. Их привели слишком рано, взрослые ушли за кофе. Эвелин впустила их, включила свет над маленьким столом. Мальчик спросил, правда ли сегодня можно увидеть мёртвых. Она ответила, что сегодня можно встретить множество наряженных соседей.

— А если настоящий?

Эвелин сняла шляпу, чтобы он хорошо видел лицо.

— Тогда обязательно позови взрослого. Даже если все вокруг смеются.

Мальчик кивнул. Через минуту он уже спорил с девочкой, кому достанется кресло у окна. Эвелин достала книгу и решила начать с истории покороче: родителям обещали вернуть детей через сорок минут, а она не любила опаздывать из-за хорошего сюжета.

Бен Эллис хотел заклеить трещину на подошве, но клей кончился. Плащ вампира висел на двери; в обычной одежде можно было бы пойти в тяжёлых рабочих ботинках, в плаще они смотрелись смешно. Он всё равно надел их. Провёл по коже влажной тряпкой, посмотрел и решил, что никто не станет разглядывать ноги.

Сын позвонил из другого города. Бен включил камеру, показал плащ. Сын сказал, что в таком виде отец похож на директора похоронного бюро. Бен изобразил оскорблённое достоинство, приоткрыл рот с накладными клыками и тут же закашлялся: один попал не туда.

Они смеялись так долго, что Бен снял зубы и положил в карман. Сын попросил прислать нормальную фотографию. Бен обещал попросить кого-нибудь на площади. Обычно он не выполнял такие обещания вовремя. Не из равнодушия — просто всегда казалось, что вечером ещё успеет.

На улице его окликнул сосед: не может ли посмотреть окно, снизу снова поддувает. Бен объяснил, что сегодня без инструментов. Завтра с утра зайдёт. Сосед сказал, что и сам бы сделал, да боится сломать раму. Они ещё минуту говорили про уплотнитель, стоя под дождём; вампир и человек в старом свитере обсуждали сквозняк совершенно серьёзно.

Когда Бен дошёл до бара, в носках было сухо. Он порадовался, что выбрал рабочие ботинки. У входа стоял человек в дорогом костюме рыцаря, у которого промокли тонкие туфли. Бен предложил в следующий раз меняться. Рыцарь согласился.

Эдгар Прайс купил пиратскую шляпу ещё летом на распродаже. Не планировал ничего особенного, просто вещь понравилась. Жена потом долго спрашивала, где он собирается её носить, и каждый раз он отвечал по-новому: в банк, на родительское собрание, к зубному. Теперь она сама достала шляпу и поставила на тумбочку.

Эдгару было пятьдесят два. Он закрыл рабочий компьютер. На экране осталось письмо клиента, которому обещал ответить в понедельник. Отложил напоминание, проверил, что оно сохранилось. За годы работы страховым агентом он привык к тому, что чужая беда возникает неожиданно, а разбирать её последствия приходится долго. Праздник был редкой возможностью не слышать ни о том ни о другом.

Жена спросила, не простудится ли он в лёгком плаще. Эдгар надел под него толстовку, послушно показал рукава. Она велела взять перчатки. Он взял и оставил на комоде, пока искал ключи.

На лестнице вспомнил, вернулся. Жена уже убрала перчатки в карман его пальто. Пальто он сегодня не надевал. Они вместе искали вещь, которую могли бы найти по отдельности за несколько секунд, смеялись и мешали друг другу. Эдгар сказал, что в следующем году будет человеком без карманов.

Уже на улице ему позвонил клиент. Он не ответил. Убрал телефон, поднял воротник и впервые за день ощутил, что имеет право не быть полезным. Над Олдер-стрит качались гирлянды, дети несли пакеты с конфетами. Кто-то попросил его повернуться для снимка. Он приподнял шляпу, поклонился. Фотограф остался доволен.

Эдгар пошёл дальше, стараясь не наступать в лужи. В одном окне показался маленький вампир, который никак не мог вставить себе клыки. Рядом с ним возилась женщина в обычной одежде. Эдгар на секунду остановился, посмотрел, как оба смеются, и пошёл к площади. Его перчатки всё-таки остались дома: снова положил на тумбочку, когда помогал жене найти ключи. Он заметил это у самого перекрёстка и решил, что возвращаться в третий раз уже смешно.

Рэйчел Уорд остановилась у перехода на Мэйпл-стрит и пропустила семью в костюмах грибов. Два взрослых гриба крепко держали за руки маленький гриб, которому шляпка закрывала половину лица. Отец семейства благодарно помахал ей.

На пассажирском сиденье автомобиля лежала упаковка пластиковых клыков. Рэйчел обещала племяннику, что не станет изображать полицейского на празднике, но всё-таки собиралась прикрепить к пальто два дурацких клыка — ровно столько, сколько требовалось девятилетнему Ноа для счастья.

Она не очень любила наряжаться. Зато любила это время года, когда Ларквуд переставал притворяться обычным городом.

В обычное время здесь спорили о налогах, парковке возле аптеки и том, стоит ли закрывать старый кинотеатр. По утрам водители выезжали на главную дорогу раньше, чем успевали окончательно проснуться, а вечером упрямо стояли у железнодорожного переезда. В Хэллоуин

все соглашались хотя бы на несколько часов стать соседями. Даже те, кто весь год жаловался на шум, выносили к калиткам миски с конфетами.

Рэйчел работала детективом в городском полицейском управлении. В Ларквуде это означало в основном кражи, домашние ссоры, мошенничество и редкие расследования, которым требовалась помощь окружных коллег. Последнее убийство здесь случилось почти четыре года назад. Никто не вспоминал о нём в дни праздника, и Рэйчел была благодарна городу за эту способность забывать.

Она припарковалась у дома сестры.

Ноа вышел прежде, чем Рэйчел успела заглушить двигатель. Его чёрный плащ распахнулся, под ним обнаружился свитер с динозаврами. Он был вампиром с очевидными проблемами в гардеробе.

— Мама сказала, что я должен вернуться до десяти.

— Мама сказала до девяти тридцати.

— Она сказала тебе другое?

— Она сказала мне правду.

Ноа вздохнул. Дети, по мнению Рэйчел, учились разочаровываться во взрослых гораздо раньше, чем читать.

Её сестра Хелен, медсестра в окружной больнице, вышла к двери с кружкой кофе.

— У него в кармане телефон. Я поставила звук на максимум.

— Я полицейский, — напомнила Рэйчел.

— Вот именно. Ты умеешь терять людей из виду, когда тебе кажется, что всё под контролем.

Рэйчел скорчила гримасу, но возражать не стала. Сестра говорила не о работе, а о привычке останавливаться возле знакомого магазина и час болтать с продавцом.

На площади уже играла музыка. У фонтана продавали сидр в бумажных стаканах, на сцене разогревалась школьная группа, а вдоль тротуара стояли палатки с тыквенными пирогами. Витрины светились оранжевым. Поверх старой вывески прачечной висел новый плакат: «КОСТЮМЫ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ. ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ — ДА».

У палатки местной пекарни Рэйчел встретила Джун Харпер. Та была одета мертвецом-поваром: белый колпак, нарисованная трещина на лбу, чистый фартук.

— Ты опять без костюма?

Рэйчел показала клыки.

— Два доллара в супермаркете. Не осуждай мой бюджет.

— Я их тебе бесплатно в муку обваляю, будет убедительнее.

Пока женщины разговаривали, Ноа разглядывал толпу. Мимо прошла ведьма в огромной шляпе и с такой яркой зелёной помадой, что её можно было заметить с другого берега реки. Следом двигались пять скелетов, одинаково чёрных, с белыми костями на груди. Один нёс пластиковое ведёрко в форме черепа, другой спорил по телефону, третий держал в руках кусок пиццы. Они разошлись у фонаря, и через минуту среди новых людей уже невозможно было сказать, где какой.

— В этом году скелетов много, — заметила Джун.

— Они дешёвые, — ответила Рэйчел. — И ничего не нужно объяснять, если тебя никто не узнал.

— Смотри, не называй это преимуществом при детях.

На другом конце площади трое мужчин, примерно одного возраста, стояли у киоска с кофе. Один смеялся, показывая приятелям снимок на телефоне; второй придерживал стакан двумя руками, третий смотрел на афишу музыкальной программы. Джун окликнула одного по имени, но музыка поглотила её голос. Мужчина не услышал и ушёл вслед за приятелями.

Ларквуд был достаточно мал, чтобы многие лица казались знакомыми, и достаточно велик, чтобы не каждый знал, кому именно принадлежит это лицо.

В шесть сорок пять включили гирлянды над Черч-стрит. Праздник начался так, как полагается начинаться хорошему празднику: никто не мог сказать, в какой момент улица из обычной стала волшебной.

В доме на Олдер-стрит, где хозяева уехали на вечеринку к родственникам, автоматический таймер зажёл свет в пустой гостиной. У двери стояла корзина с искусственными тыквами, над входом висела бумажная летучая мышь. Двор был открыт со стороны улицы.

К утру этот дом узнает весь город.

В семь двадцать на площади почти не осталось свободного места.

Музыка то становилась слышнее, то исчезала в разговорах. Детские костюмы светились от дешёвых батареек. По краям тротуара тянулись мокрые полосы, куда стекала вода с крыш, и каждый второй родитель просил ребёнка не наступать в них. Просьбы не помогали.

У фонтана Эдгар Прайс поправил тонкие очки под пиратской шляпой. Его окликнули от столика регистрации.

— Ты опоздал на конкурс, — сказала ему женщина за столиком регистрации.

— Я не для конкурса. У моего зятя день рождения, мы встречаемся у фонтана.

Он потрогал повязку на глазу, убедился, что та не сползла, и растворился между двумя компаниями ведьм.

У прилавка Джун Линда поправила тяжёлую шляпу, которую когда-то покупала для школьного спектакля дочери.

— Я всё время думаю, что на будущий год приду кем-нибудь другим, — сказала она.

— Так приходят все, кто надёжно пришил к шляпе подбородочный ремешок, — заметила Джун.

Линда рассмеялась и попросила второй стакан. Один — для подруги, которая обещала подойти, но пока не появилась.

Рэйчел проводила Ноа по цепочке домов к востоку от площади. На Мэйпл-стрит им открыла женщина в бархатном платье, которая изобразила ужас при виде вампира, потом вручила ему две карамельки и велела не пить кровь соседей после девяти.

У следующего дома мужчина в костюме космонавта выдавал шоколад через прорезь в картонной ракете. У третьего конфеты закончились; пустая миска стояла возле выключенного фонаря.

— Это лучший город в мире, — объявил Ноа.

— До тех пор, пока ты не попробуешь платить здесь за воду.

— Ты всегда всё портишь.

Рэйчел не спорила.

Она знала почти каждый третий дом на этих улицах. Однажды здесь украли велосипед, через год разбили окно, прошлой зимой два соседа устроили драку из-за снега, который один перебрасывал лопатой другому. В памяти полицейского адреса переставали быть просто адресами. Каждый был чем-то помечен.

У перекрёстка им пришлось подождать: двое мужчин везли по проезжей части гигантский картонный гроб. Из-под крышки торчали ноги в полосатых носках. Ноа не выдержал и засмеялся. Тогда крышка приподнялась, показался настоящий человек и попросил не выдавать его соседям.

— А как узнают, где конфеты? — спросил Ноа.

— По свету на крыльце, — ответила Рэйчел. — Свет горит — можно звонить. Темно — проходим мимо.

Он немедленно начал проверять правило. Считая освещённые двери, забежал вперёд, возвращался, присматривался к занавескам. В доме напротив лампа была выключена, зато под

живой изгородью светилась маленькая зелёная кисть. Пальцы медленно сжимались, словно кто-то собирался вылезти из земли.

— Туда нельзя?

— Сегодня это ничего не значит, — сказала женщина за их спинами. — У них провод перетёрся. Три раза уже зажигали.

На руке у неё покачивался фонарь, вырезанный из молочной бутылки. Рэйчел узнала Сьюзан Рид. Они не дружили, но несколько лет здоровались у магазина, где Сьюзан всегда покупала яблоки поштучно, придирчиво поворачивая каждый плод.

Сейчас из-под её дождевика виднелся хвост плюшевой лисы. На вопрос Ноа, почему она без головы, Сьюзан показала маску, забрызганную изнутри конденсатом.

— Ничего в ней не видно. Я чуть не ушла с чужим ребёнком.

Мальчик фыркнул. Рэйчел тоже улыбнулась. На ступеньках справа сидел человек в костюме медведя и пытался развязать пакет с карамелью; толстые лапы не слушались. Кто-то вышел из дома и помог ему. В этом было всё, за что Рэйчел любила здешний праздник: люди на несколько часов соглашались выглядеть нелепо и разрешали друг другу маленькую беспомощность.

Подъехал фургон с открытым боковым окном. Водитель спросил, можно ли проехать к гостинице. Его голоса почти не было слышно за музыкой из соседнего двора. Сьюзан показала направо; Рэйчел, зная, что улицу перегородили ещё днём, велела объезжать через площадь. Мужчина поблагодарил обеих и поехал прямо, будто не расслышал ни одну.

— Всё равно спросит ещё раз, — сказала Сьюзан.

Она пошла дальше. Лисий хвост цеплялся за колени, и она смешно отшвыривала его назад. Через минуту на месте, где они разговаривали, стояли уже другие люди. Девочка в белом платье требовала сфотографировать её так, чтобы в кадр не попадал отец; отец делал вид, что обижается, и нарочно подставлял страшную зубастую морду.

Рэйчел свернула за угол. На изгороди шевельнулась жёлтая полоска. Ноа остановился, заглянул в темноту, но полоска оказалась рукавом садовой куртки, привязанной к вешалке. Ветер надувал её, словно внутри кто-то дышал.

У соседнего крыльца маленькая ведьма не решалась подняться по ступеням. Перед дверью торчала картонная рука, а за ней лежал человек с бутафорским топором в груди. Рэйчел пропустила Ноа вперёд. Он шёл медленно, стараясь не смотреть на неподвижную фигуру. Когда рука дёрнулась, он отскочил, потерял клык и тут же рассердился на собственный испуг.

Мужчина на полу сел, снял топор с липучки и вернул мальчику клык.

— Хорошо сыграно? — спросил он.

Ноа с достоинством кивнул.

— Очень, — ответила Рэйчел.

Дальше мальчик понёс клыки в кармане. Он утверждал, что так удобнее есть конфеты. Рэйчел не возражала. Улицы становились теснее; из бокового переулка влилась новая компания. Кто-то наступил ей на пятку, сразу извинился и исчез в чёрном плаще. Она придержала Ноа за плечо.

— Далеко не отходи.

— Я здесь.

Он поднял руку, не оборачиваясь. На запястье болтался светоотражающий браслет. Рэйчел сама надела его ещё у Хелен и теперь каждые несколько шагов находила глазами серебристое пятнышко. Мимо прошло столько серебристых пятнышек, светящихся колец и белых костей, что в какой-то момент она перестала различать людей. Остались движущиеся огоньки, детский голос рядом и тёплая ладонь, которую она поймала, прежде чем шагнуть с тротуара.

Дом на Олдер-стрит, отделанный светлым камнем, она знала по другой причине: два года назад его хозяева жаловались на уличный фонарь, светивший прямо в спальню. Теперь фонарь

закрывали ветви большого клёна. На дереве качался пират. Издали Рэйчел приняла его за верёвочную фигуру из сетевого магазина. Она заметила фигуру лишь мельком, с противоположной стороны улицы.

— Смотри, настоящий! — закричал Ноа, показывая на фигуру.

— Настоящих пиратов здесь не держат. Налоги слишком высокие.

Ноа засмеялся.

Она не подошла ближе. У них оставалось ещё четыре дома, а после нужно было вернуться к сестре вовремя. Рэйчел даже не подняла головы второй раз.

Утром она вернётся к этому месту и уже не сумеет вспомнить, куда тогда смотрела.

Глава 2. Лучшие украшения

В девять двадцать две Рэйчел позволила Ноа сделать последнюю остановку у дома с огромной надувной тыквой.

Тыква шевелилась от вентилятора и с каждым порывом ветра наклонялась к дорожке, будто намеревалась заговорить. Хозяев не было. У калитки стояла миска с конфетами, над ней висела надпись: «ВОЗЬМИ ДВЕ. ДАЖЕ ЕСЛИ НИКТО НЕ ВИДИТ».

Ноа взял две и, подумав, положил одну обратно.

— Почему? — спросила Рэйчел.

— Потому что они всё равно не видят.

Она достала телефон, чтобы сфотографировать его на фоне тыквы. Снимок вышел смазанным: в момент вспышки мальчик обернулся на смех за спиной. Рэйчел сделала второй. На нём Ноа стоял совершенно серьёзный, с пластиковыми клыками и слишком большим плащом.

— Отправишь маме?

— Отправлю.

Надувная тыква стояла через перекрёсток от светлого дома. В глубине кадра виднелись Олдер-стрит, мокрый клён и чёрная фигура под ветками. Рэйчел этого не заметила. Ей и в голову не могло прийти изучать фотографии Хэллоуина, как следователь изучает место происшествия.

На площади начался танцевальный конкурс. Две женщины в одинаковых костюмах русалок пытались синхронно двигаться под рок-н-ролл, но костюмы не позволяли сделать ни одного широкого шага. Мужчина с микрофоном был настолько счастлив, что проигрывал музыку слишком громко. Люди смеялись, снимали происходящее и не особенно заботились о том, кто выиграет.

В толпе всё чаще попадались скелеты. Они отличались ростом, шириной плеч, покроём костюмов. Но если смотреть издали, различия исчезали. Белые линии на чёрном, круглые глазницы, одинаковые зубы на масках. У одного скелета под штаниной были красные кроссовки. У другого — рабочие ботинки. Третий на ходу стягивал маску на затылок, потому что под ней запотевали очки.

Около девяти тридцати один скелет остановился у киоска с попкорном и долго выбирал вкус. Другой, по ту сторону площади, помог ребёнку поднять упавшее ведёрко. Ещё двое стояли возле банкомата, смотря друг на друга через одинаковые пластиковые лица.

Ни в один из этих моментов не происходило ничего, что заставило бы прохожих задержаться взгляд.

Ночь существовала отдельно для каждого человека, но после неё город начнёт пытаться собрать все эти ночи в одну. В этом и будет беда: детали, которые невозможно заметить заранее, задним числом покажутся предупреждениями.

Рэйчел привезла Ноа домой в девять тридцать восемь. Хелен в больнице ещё работала, поэтому мальчика встретил её муж Адам. Он был одет в домашние штаны, а поверх футболки прикрепил бумажную табличку «УСТАВШИЙ ПРИЗРАК».

— Что скажешь? — спросил он.

— Ленивый, — оценила Рэйчел.

— Зато страшно похоже.

Ноа высыпал конфеты на кухонный стол. Пока ребёнок делил добычу на «отличные» и «остальные», Рэйчел выпила воды, посмотрела на телефон и отвергла мысль вернуться на площадь. Завтра она хотела выспаться. В календаре не было ничего важного, кроме воскресного звонка матери.

В половине одиннадцатого она уже лежала в постели. За окном кто-то проехал с гудящей музыкой. Затем стало тихо.

В другом доме, неподалёку от Черч-стрит, хозяева вернулись с вечеринки и обнаружили на ступеньках новые украшения. На верхней ступени сидела ведьма, опустив голову на грудь; широкая шляпа закрывала лицо. Подол тёмного платья лежал на мокрых досках. В руках у фигуры было пустое ведёрко для сладостей.

— Ты заказывал манекен? — спросила жена.

— Нет. Наверное, мальчишки притащили.

Он посмотрел на ведьму из двери. Фигура сидела слишком естественно. Мужчина решил, что её сделали на заказ, и почувствовал раздражение: кто-то установил чужое имущество у него на крыльце.

— Уберём завтра. Не хочу сейчас тащить грязь в дом.

Жена кивнула. Они прикрыли дверь и вернулись в дом. До сна оставалось убрать с кухни посуду и проверить праздничную гирлянду: дети на улице ещё не расходились.

Утром муж долго будет повторять полицейским именно эту фразу: «Уберём завтра».

После десяти город изменился, не заметив этого.

В переулке возле пекарни промокшие бумажные летучие мыши бились о водосточную трубу. Под окном первого этажа дымилась чаша с сухим льдом; туман добирался до ботинок прохожих и растворялся в свете вывески. Кто-то запустил из открытой кухни старую песню, и на несколько минут сразу три соседних двора запели припев — каждый в своей тональности. Из распахнутой двери пахло яблочной кожурой и корицей. Дальше улица пахла мокрой шерстью плащей, бензином и листьями, которые за день размяли сотни подошв.

У дома напротив аптеки хозяин устроил детям целое представление. На каждое нажатие звонка из-за двери раздавался громовой раскат, а затем появлялась его рука в зелёной перчатке с конфетами. Даже подростки, уже слишком взрослые для обхода домов, возвращались за второй порцией. На соседнем крыльце стоял неподвижный пластиковый скелет без нижней челюсти. Его никто не фотографировал: слишком обычный. Город давно перестал замечать то, что в другой вечер заставило бы прохожего оглянуться.

На Черч-стрит по дороге домой ехала женщина с пакетом продуктов. Увидев новую ведьму на ступеньках Миллеров, она притормозила: вчера её там не было. Потом сзади посигналили, и женщина поехала дальше, думая не о ведьме, а о яйцах, которые могли разбиться в пакете. Через несколько минут она уже забыла, что хотела остановиться. Утром ей вспомнится именно этот незначительный поворот головы — и то, как быстро исчезло всякое любопытство.

Семьи с маленькими детьми начали расходиться, но взрослых на улицах стало больше. Входы в бары украшали пластиковые руки, торчащие из стен. Во дворах дымились машины для тумана. Возле старой гостиницы четыре человека в костюмах монахов спорили о том, кто потерял ключ от машины. Дальше, у реки, ветер разгонял дым по земле, и белая пелена стелилась между обувью прохожих.

Праздник больше не принадлежал детям. Он принадлежал тем, кто на следующее утро собирался говорить, что в этом году было особенно весело.

К одиннадцати возле дома Бентонов собралась небольшая компания. Люди обсуждали декорации: пластиковые могилы, торчащую из почвы руку, зомби на садовой скамейке. Зомби сидел боком, словно отдыхал от плохой смены. Голова его была откинута к спинке, под рубашкой виднелась белая ткань.

— Вот это уровень, — сказал мужчина в костюме ковбоя. — Им надо приз дать.

— Бентон нанял оформителей, — ответила женщина. — Видела фургон днём.

— Нанял за такие деньги? Ради одной ночи?

— У некоторых людей слишком много свободного времени.

Женщина встала возле скамейки, подняла обе руки, изображая ужас, и попросила мужа сфотографировать. На снимке её лицо оказалось размытым: муж не дождался, пока она перестанет смеяться.

Снимок получился живым. Именно поэтому позже его было трудно смотреть.

На противоположном берегу у бара «Старая мельница» Бен Эллис рассказывал друзьям, почему в этом году не стоит ждать хорошего урожая яблок. Никто не слушал. Он говорил уже третий раз и каждый раз начинал с разных подробностей. В конце концов Бен рассердился, надел вампирские клыки и заявил, что уйдёт, пока его окончательно не обидели.

— Ты сам себя обидел! — крикнули ему вслед.

Он показал неприличный жест, но улыбался.

Эвелин Моррис в это время считала оставшиеся стаканчики у палатки благотворительной ярмарки. Шум вечеринки доносился через открытое окно библиотеки. Женщина, с которой она работала, предложила закрыться пораньше.

— Ещё десять минут. Кто-нибудь обязательно придёт и купит эти пирожки.

— Ты обещала уйти до полуночи.

— А я сказала, что уйду до завтра.

Эвелин умела шутить с таким выражением лица, что окружающие не сразу понимали, что это шутка.

У перекрёстка Олдер-стрит и переулка за аптекой двое скелетов прошли мимо группы студентов. Один студент предложил обменяться масками. Скелеты продолжили путь, не ответив. Это выглядело не грубо, а естественно: музыку было слышно почти на всём квартале.

Через несколько минут на том же месте появился ещё один скелет, тоже в чёрном костюме. Он остановился у окна круглосуточного магазина, посмотрел на выставленные внутри гирлянды и пошёл дальше.

Камера над дверью магазина запомнила все три фигуры. Если бы её запись посмотрели сейчас, зритель, возможно, решил бы, что трое гуляют вместе. Но запись никто не смотрел. Владелец магазина проверял камеры только тогда, когда пропадал товар.

В половине двенадцатого возле дома Бентонов появилась новая компания. Молодые люди оценили зомби, сделали несколько снимков и пошли искать открытый бар. Один случайно задел край скамейки ботинком и извинился перед манекеном. Остальные хохотали до перекрёстка.

Ближе к полуночи Кэрол Миллер снова вышла на крыльцо с подносом. После дождя на ступеньках собиралась вода, и она подстелила под миску старую газетную страницу. В миске осталось немного конфет: дети выбирали шоколадные, твёрдая карамель всегда задерживалась до конца.

Между креслом и перилами сидела ведьма. Наклонённая шляпа скрывала почти всё лицо. Кэрол раздражённо оглянулась на мужа, возившегося с удлинителем в прихожей.

— Ты когда успел?

Питер поднял голову.

— Что?

— Кресло переставить. Теперь к перилам не пройти.

— Я его не трогал.

Из-за угла выбежали дети. Один носился кругами в картонном автобусе; другому, в тяжёлой резиновой голове, пришлось держаться за перила. Кэрол подняла поднос повыше, чтобы не опрокинули, и забыла, о чём спрашивала.

Когда крыльцо освободилось, Питер уже тянул из дверей новую гирлянду. Он зацепил концом провода остроконечную шляпу, та покачнулась, и Кэрол придержала её за поля. Коснулась влажной ткани и быстро отдёрнула руку: решила, что муж снова принёс вещь из сырого сарая.

— С тебя потом уборка.

— Я знаю.

Он говорил про гирлянду. Она — про всё крыльцо. Ни один не уточнил.

У Бентонов на другом конце квартала кто-то потерял пакет с домашним печеньем. Сверху налипли мокрые листья, но внутри всё было цело. Молодая женщина с детской коляской подобрала пакет и поставила на скамью рядом с зомби: так хозяин скорее заметит.

Её спутник попросил задержаться для фотографии. Она отказалась. Ребёнок просыпался от крика, который каждые полминуты издавал подвешенный над дверью динамик. Мужчина всё же поднял телефон и поймал в кадр свою тень, коляску и вытянутые чужие ботинки. Получилось плохо. Он сделал ещё снимок, теперь почти не захватив женщину.

Из окна Бентонов выглянул подросток с растрёпанными волосами.

— Убавьте! — попросила женщина.

Тот не понял, что она говорит, но увидел коляску и выключил музыку совсем. Они с облегчением поехали дальше. На скамье остался пакет с печеньем. Позже прохожие будут спрашивать, для чего его положили: приглашение это было или часть композиции. Сейчас пакет никого не удивлял.

На площади Джун считала деньги в жестяной коробке, отворачиваясь от ветра. Дочь пыталась запихнуть под прилавок картонный домик, в котором собирали записки для праздничной игры. Одно окно домика оторвалось и торчало наружу.

— Оставь, Люси. Завтра починим.

— Нам ещё скелета не вернули.

Джун подняла глаза. Утром она одолжила небольшой пластиковый скелет хозяину кофейного киоска: тот обещал посадить его рядом с меню. Теперь сосед сворачивал стойку, а скелета нигде не было.

— Завтра спросим, — сказала она.

Дочь хотела спорить, но достала телефон. Ей нравилась общая фотография, сделанная в начале вечера. На ней мама хохотала, зажмурившись, и пыталась удержать сразу три бумажных стакана. По краю снимка проходил человек с белыми рёбрами на чёрной груди. Люси провела пальцами по экрану, увеличила своё лицо и тут же уменьшила обратно.

Она отправила фотографию подруге. Ответ пришёл почти сразу: «Это твоя мама? Она классная».

— Слышала? — спросила Люси.

Джун не расслышала и кивнула. Ей нужно было пересчитать мелочь. На другой стороне площади кто-то всё ещё пел в микрофон, хотя сцену разобрали наполовину. Человек начинал припев, забывал слова, смеялся, начинал заново. С каждым повторением рядом оставалось меньше слушателей.

Люси прижала картонный домик к груди, чтобы не развернуло ветром. Мимо прошли трое в костюмах скелетов. Один нёс скомканный бумажный стакан и всё время сжимал его, как будто хотел раздавить до размера монеты. Белые пальцы на его перчатке складывались и распрямлялись. Люси подумала, что хорошие перчатки трудно стирать, и отвернулась: мама наконец захлопнула кассу.

К полуночи люди стали говорить о самых удачных украшениях в городе. Кто-то видел пирата на дереве. Кто-то уверял, что на крыльце у Миллеров сидит ведьма, сделанная так хорошо, будто дышит. Другие хвалили зомби на скамейке. Истории передавались как рекомендации хороших аттракционов.

Никто не пытался выяснить, кто их устроил.

Ближе к полуночи Люси попросила ещё раз пройти по площади. Джун уже закрыла прилавок, но не хотела отказывать: весь вечер дочь помогала, почти никуда не отходя. Они оставили коробки под непромокаемым покрывалом и пошли вдоль торговых рядов.

На площади ещё было светло. Вода стояла между кабелями, по ней растекались жёлтые и красные отражения. У сцены мужчина в маске лошади пытался поднять упавший стул. Голова мешала нагнуться, и каждый раз он промахивался. Люси засмеялась. Мужчина услышал, повернулся к ней и отвесил длинной мордой поклон.

Они купили жареные орехи. Пакет обжигал пальцы. Джун предложила дочери понести, та отказалась и через минуту сама сунула его матери в ладонь. Сильный ветер ударил со стороны реки; на пустеющей сцене затрепетала белая ткань.

— Пойдём через Черч? — спросила Люси.

Джун хотела короче, но ноги ещё не устали до конца. Они свернули. На углу стоял скелет с совершенно голым человеческим лицом: маску он поднял на темя, пытался закурить под козырьком. Огонёк зажигалки гас. Увидев Джун, человек улыбнулся; она ответила, не узнав. Было уже слишком поздно спрашивать, кто это.

Дальше свет редел. Люди шли компаниями, в промежутках улица казалась пустой. Люси стала шагать ближе. Перед одним домом стоял гроб с открытой крышкой. Тот самый, который раньше везли по дороге. Теперь внутри никого не было, только смятое клетчатое одеяло. У изголовья оставили кружку с недопитым какао.

— Он ушёл? — спросила Люси.

— Замёрз, наверное.

Девочка сунула руку в пакет, достала два ореха, один протянула матери. Джун жевала, не чувствуя вкуса. На Черч-стрит пахло мокрым дымом. Человек во дворе заливал угли водой, и они шипели, поднимая пар.

Мимо прошли двое в скелетных костюмах. Один зацепил Джун плечом, обернулся, поднял ладонь. В прорезях маски ничего не было видно, кроме блеска. Второй не повернулся. Они двигались быстро, но не бежали. Люси проводила их взглядом.

— Они одинаковые?

— Почти.

— У одного нога другая.

Джун посмотрела вслед, однако фонарь остался за их спинами. Белые полосы складывались и разъезжались, когда люди шли. Она не поняла, о чём дочь, и уже через секунду думала про покрывало над коробками: не сорвёт ли ветер.

К дому Миллеров подошли с другого конца. Перед ними шла компания взрослых. Одна женщина показывала на крыльцо, остальные замедлили шаг. Джун увидела ведьму, сидящую у перил. Поля шляпы прижимались к плечу; от этого поза казалась обиженной.

— Как настоящая, — произнесла женщина.

Люси остановилась. Джун потянула дочь за рукав, не желая вмешиваться в чужую фотографию. Кто-то поднял телефон, кто-то попросил убрать из кадра сумку. Рэйчел потом увидит на записи, как компания закрыла крыльцо почти целиком. Сейчас никто не думал о том, что именно будет видно на записи.

— Она не двигается, — сказала Люси.

— Так и задумано.

— А если человек?

Джун посмотрела на шляпу, на сапоги, на сумку рядом. Ей стало неудобно. Но на соседнем крыльце закашлялся пират, снял бороду, хлебнул из кружки — и всё снова обрело привычный порядок: вот живой, вот кукла, вот человек, который делает вид, что кукла. Нужно только понять правило конкретного двора.

— Тогда устанет и встанет, — ответила она.

Они пошли дальше. За углом Люси всё-таки обернулась. Ведьму уже не было видно. На тротуаре осталась женщина с телефоном, проверявшая снимок. Она улыбалась экрану, и эта улыбка успокоила девочку сильнее слов матери.

У Бентонов громко играла музыка. На скамье сидел зомби, впереди стояла детская коляска. Джун сразу заметила, что ребёнок не спит: маленькая рука дёргала край одеяла. Молодая мать попросила убавить звук. Джун невольно замедлила шаг, ожидая, послушаются ли. Музыка оборвалась. Стало слышно, как ребёнок возмущённо гулит, словно ему нравится шум.

Люси предложила сесть на другую скамью, но Джун покачала головой. Если сядут, потом трудно будет подняться. Дочь закатила глаза: у взрослых всякая возможность отдохнуть превращалась в причину не отдыхать.

Они вернулись к центру другой дорогой. Возле аптеки лежал человек в белом балахоне. Ноги торчали из-под ткани, рука свесилась с низкой ограды. Джун остановилась. Люси дёрнула её за рукав.

Человек пошевелился и сел.

— Нормально всё, — сказал он, не открывая глаз. — Я жду.

К нему подошла девушка с двумя бутылками воды. Одну дала, другой коснулась его лба. Он отмахнулся, засмеялся и встал. Белая ткань оказалась не балахоном, а простынёй, приколотой к толстовке. Джун почувствовала облегчение, хотя не успела решить, чего испугалась.

Люси спросила, почему они остановились здесь, а возле ведьмы не остановились. Джун подумала и сказала:

— Здесь мне показалось, что человеку нужна помощь.

— А там?

— Там не показалось.

Ответ получился сухим. Дочь замолчала. Джун хотела объяснить лучше, но уже не могла: ноги заболели, пакет с орехами промок, а за площадью их ждали коробки, которые нужно было унести наверх. Она пообещала горячий шоколад дома. Люси согласилась.

У пекарни коробки были на месте. Покрывало сорвало с одного угла, но бумажный домик не намок. Джун дала его дочери, сама взяла самый тяжёлый ящик. На ступенях пришлось остановиться, поменять хват. Люси уже открыла дверь и ждала наверху, прижимая домик подбородком.

— Ты чего?

— Сейчас.

Джун выпрямилась. Из-за угла вышли двое людей в тёмной одежде. На белых лицах масок светилась широкая неподвижная улыбка. Они прошли на другую сторону, и она сразу забыла, откуда появились.

Дочь ждала. Джун подняла ящик и пошла к ней. Внутри пахло остывающим хлебом. Она закрыла дверь ногой, услышала, как Люси возится с засовом, и сказала не запирать: ещё придётся спуститься за остальным. Девочка отодвинула засов обратно. До утра он будет закрыт много раз, но сейчас, на несколько минут, дверь оставалась открытой.

Глава 3. Последние посетители

В час ночи улицы не опустели, а растянулись.

Шум переместился из центра в отдельные дома, откуда доносились голоса, громкая музыка и звон посуды. На площади рабочий сцены складывал кабели в ящики. Возле фонтана стояли две девушки в одинаковых плащах и спорили, у кого разрядился телефон. Мимо проехало такси, потом ещё одно. На Черч-стрит кто-то долго пытался уговорить друга сесть в машину.

Ларквуд не ложился спать сразу. Он медленно закрывал глаза по одному дому.

В час сорок двое мужчин задержались возле пустующей витрины бывшего цветочного магазина. Перед ступенями стоял вампир в чёрном плаще. Он был прислонён спиной к перилам и казался частью витрины: над ним висела цепочка бумажных летучих мышей, а стекло за его плечом отражало уличные лампы.

— Серьёзно, в этом году будто конкурс богачей, — сказал один.

Второй хотел поправить вампиру воротник для фотографии, но передумал. Лицо за нарисованной бледностью было странно неподвижным. Ему стало неприятно — не от страха, а от мысли, что кто-то вложил столько денег в предмет, который намеренно выглядит как мёртвый человек.

Они пошли дальше.

Глубже в город, возле городского сада, отдельные светильники ещё горели среди мокрых кустов. На площадке, где днём устраивали фермерские ярмарки, рядом с выставленными тыквами сидело пугало. Соломенная шляпа была сдвинута набок. Под ногами лежали лоскуты мешковины. На груди болтался бумажный значок благотворительной ярмарки.

В час сорок семь мимо прошла пара. Женщина сказала, что ненавидит пугал, потому что они всегда кажутся живыми. Мужчина предложил ей потрогать одно из них. Она отказалась. Он шутливо потянулся к фигуре, но отвлёкся на звонок.

Они уехали через несколько минут.

Над городским садом висела гирлянда из маленьких оранжевых ламп. Когда ветер раскачивал её, тени от тыкв двигались по дорожке, и пугало будто меняло позу, хотя не шевелилось. Возле ограды остановились четверо запоздавших гостей. Один снимал светящуюся арку на телефон, двое обсуждали, кто завтра должен забрать оставшиеся столы, четвёртый безуспешно пытался найти сухие сигареты. Им не было дела до фигуры у тыкв. Праздник подходил к концу, у каждого оставались свои маленькие заботы.

С площади доносились последние удары барабана — музыкант разбирал установку и проверял звук, случайно задев палочкой тарелку. По Черч-стрит ещё шли компании в масках. На углу двое скелетов уступили дорогу женщине с детской коляской, в которой спал мальчик под пледом с летучими мышами. Один из скелетов придержал для неё калитку. Она поблагодарила и не взглянула на его лицо. В такие минуты легко было поверить, что чёрная ткань с нарисованными костями ничего не говорит о человеке внутри — и в этом она была права.

Пьяный парень на ступеньках кинотеатра объяснял подруге, что утром увидит весь праздник на телефоне, потому что почти ничего не запомнил. Подруга отвечала, что лучше бы он запомнил, где оставил куртку. Рядом стояли припаркованные машины, разукрашенные бумажными привидениями; ветер срывал их с зеркал по одному. С окончанием праздника улицы постепенно возвращались к настоящим размерам, хотя ночь ещё делала каждый двор частью одного огромного карнавала.

Позже, вспоминая это, женщина будет удивляться только одному: почему ей казалось, будто всё вокруг должно оставаться таким, каким было пять секунд назад.

На одной улице камера показывала только припаркованные автомобили; на другой в кадр попадали маски, мокрая паутина, фары проезжавших машин. Иногда за стеклом мелькал белый рисунок рёбер и тут же пропадал в толпе. Никто не смотрел на эти изображения сейчас. Для города ночь ещё оставалась праздником.

Примерно в два ночи у круглосуточного магазина всё ещё продавали кофе. Продавец не различал покупателей с улицы, пока они не переступали порог. Скелет, прошедший мимо витрины в два одиннадцать, был похож на скелета, который шёл здесь в одиннадцать сорок три. А может, это был совершенно другой человек. На записи одинаково белели нарисованные рёбра.

В магазине продавец погасил половину ламп, оставив над входом оранжевую тыкву. Запись продолжала идти.

В три двадцать последняя компания, возвращавшаяся с вечеринки у реки, остановилась у дерева на Олдер-стрит. Один из парней поднял телефон, чтобы снять пирата, качавшегося среди веток.

— Лучшее украшение, — произнёс он.

Друг сказал, что на видео ничего не видно. Парень включил подсветку, но луч испортил кадр, высветив только бледное пятно под широкополой шляпой. Он выключил её и выбрал тёмную фотографию. На ней фигура выглядела страшнее.

— Завтра всем покажу.

Завтра он действительно всем покажет.

В четыре утра в домах, где ещё час назад играла музыка, выключили свет. Мокрая паутина провисла между кустами. Механический скелет у аптеки перестал двигаться, когда таймер отключил питание. Над рекой поднялся туман. Деревянные таблички скрипели на ветру.

К четырём утра в Ларквуде больше слышался ветер, чем музыка. За закрытыми дверями спали люди, которые утром станут вспоминать эту ночь по минутам.

Сьюзан всё-таки сняла лисий хвост ещё до полуночи. Теперь он лежал на сушилке в ванной, рядом с поводком. Собака лежала возле двери и время от времени негромко ворчала: в подъезде продолжали ходить люди, которых она не узнавала по запаху.

Сьюзан поставила чайник и вышла на кухню. Из окна были видны пустые качели и часть дорожки, ведущей к Олдер-стрит. Прожектор над соседским гаражом то вспыхивал, то гас. Владелец жаловался на датчик движения уже месяц, а поменять всё никак не мог. Сейчас датчик ловил кленовую ветку.

При очередной вспышке Сьюзан показалось, что у забора кто-то стоит. Она потянулась за очками. Свет погас, и в тёмном стекле появилось её собственное отражение — домашняя рубашка, узкое лицо, щётка для волос в руке. Она ещё раз щёлкнула выключателем, чтобы в кухне стало темно. За оградой никого не было.

Наверху у соседей задвигали мебель. Потом что-то тяжёлое упало, раздался женский смех. Собака перестала ворчать и положила голову на лапы. Сьюзан проверила замок; эта привычка не имела отношения к празднику. С мужем они прожили в квартире двадцать шесть лет, он всегда проверял дверь перед сном, и после его смерти она продолжала подходить к ней, словно выполняла маленькую общую работу.

На телефон пришла фотография племянника в огромном капюшоне. «Устал быть смертью», — подписала его мать. Сьюзан ответила смеющимся лицом и вдруг поняла, что тоже устала. Не от праздника, а от криков, от липких рук в перчатках, от людей, которые весь вечер старались застать других врасплох.

Она пошла выключать чайник и обнаружила, что так и не включила его. Вода внутри была холодной. Сьюзан включила чайник, дождалась кипения и заварила пакетик прямо в кружке. Обожглась о край. За окном наконец прекратил мигать прожектор: кто-то у соседа догадался опустить выключатель.

В другом конце города Джун остановилась на площадке между первым и вторым этажом. Внизу, за запертой дверью пекарни, глухо ударило. Люси подняла голову.

— Что там?

Джун прислушалась. Снова удар, потом шорох. Она попросила дочь оставаться на лестнице и вернулась к витрине. Над дверью раскачивалась вывеска; ветер срывал её с нижнего крепления. Джун подождала ещё немного, убедилась и пошла за стремянкой.

Держать вывеску одной рукой, а другой обматывать болтающийся крючок оказалось неудобно. Люси всё-таки спустилась и подала кусок проволоки. Они возились несколько минут, сердились друг на друга, наконец закончили и стояли на тротуаре, глядя вверх.

Теперь стало тихо. Из двора выехала машина. Чуть поодаль мужчина в плаще поднял с земли жёлтую маску, сдул с неё воду и пошёл дальше, зажав под мышкой. Люси громко зевнула.

— Спать, — сказала Джун.

Проволоку утром предстояло заменить. Она написала напоминание на ладони — чернила сразу расплылись от дождя — и потёрла пальцы о фартук. На стекле пекарни белела нарисованная дочерью летучая мышь. У неё одно крыло было длиннее другого. Джун решила не смывать её до понедельника: Люси расстроится, если проснётся и не найдёт.

Наверху дочь сразу ушла в свою комнату. Джун оставила свет на лестнице, разделась и ещё несколько минут слушала приглушённый уличный гул. Через стекло нельзя было понять, смеются там или спорят. Когда хлопнула автомобильная дверца, она перестала прислушиваться.

Утро ещё не наступило, но праздник уже закончился.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДНЕВНОЙ СВЕТ

Глава 4. Восемь ноль четыре

В воскресенье в семь пятьдесят семь Сьюзан Рид вышла гулять с собакой, которая ненавидела дождь и обожала тыквенные фонарики.

Собака тянула её вдоль Олдер-стрит, задерживаясь у каждой калитки. Сьюзан только что поставила дома кофе и рассчитывала вернуться, прежде чем он остынет. Небо посветлело, но солнце ещё пряталось за тяжёлым серым облаком. Лужи отражали голые ветки. Выброшенные конфетные обёртки липли к краям тротуаров.

Возле светлого дома с клёном собака остановилась и зарычала.

— Что опять?

Сьюзан посмотрела туда, куда указывал поводок. Под ветвями висел пират. Вчера она видела его из машины и даже подумала, что украшение получилось впечатляющим. Теперь, в дневном свете, он казался плохо сделанным: рука слишком вывернута, одна туфля почти касается мокрой земли, из-под повязки на глазу виден край человеческой кожи.

Сьюзан собиралась пройти дальше. Потом заметила очки — не карнавальные, а обычные, с тонкими дужками.

Она знала Эдгара Прайса лет двадцать. Не близко — просто так долго жила в городе, что знала, как он держал плечи и какие очки носил. Его лицо было неестественно повернуто, но очки остались те же.

— Эдгар? — тихо произнесла она.

Пират качнулся под ветром.

Сьюзан не подошла. Она присела на корточки, удерживая собаку, и несколько секунд пыталась придумать другое объяснение. Она думала, что Эдгар мог участвовать в розыгрыше. Что рядом снимают рекламу. Что плохой свет заставил её увидеть чужие очки на манекене.

Потом достала телефон и набрала экстренную службу.

Пока на другом конце линии задавали вопросы, она смотрела не на дерево, а на тёмный круг дождевой воды возле своей обуви. Назвать улицу оказалось легче, чем номер дома. Она десятки раз проходила мимо этого клёна и сейчас не могла вспомнить, какой цифрой обозначена калитка. Пришлось поднять голову. Табличка висела рядом с бумажной гирляндой, размокшей за ночь.

— Вы можете проверить, дышит ли человек? — спросили её.

— Нет, — сказала Сьюзан. — Он слишком высоко. И, пожалуйста, пришлите кого-нибудь.

Собака вдруг перестала рычать. Она стояла рядом, уткнувшись носом в штанину хозяйки, и поводок провис между ними. По улице проехал фургон с хлебом. Водитель притормозил перед перекрёстком и свернул, не взглянув на дерево. Сьюзан проводила машину глазами и поняла, что за все эти минуты мир не изменился ни на сколько-нибудь заметную величину.

В восемь ноль четыре телефон Рэйчел Уорд зазвонил на прикроватной тумбочке.

Она долго не могла понять, где находится. В её спальню проникал слабый свет, на подушке лежала ладонь, которую она сначала приняла за чужую. Только третья вибрация заставила её открыть глаза.

— Уорд.

— Рэйчел, это Кэл. Ты нужна на Олдер-стрит.

Голос начальника полиции был собранным, без обычного утреннего раздражения.

— Что случилось?

— Мужчина. Похоже, убит. Тело висит на дереве возле жилого дома.

Рэйчел села.

— Самоубийство?

— Мы не знаем. Но ты должна это увидеть.

Через шесть минут Рэйчел уже одевалась, а в восемь двадцать ехала по Мэйпл-стрит. У пекарни разгружали хлеб, дворники сгребали мокрое конфетти. Ларквуд ещё не знал, что произошло.

За поворотом показались патрульные машины.

Рэйчел вышла, показала удостоверение офицеру у ленты и остановилась. Сквозь ветви клёна виднелся пират. Его камзол был тем же, что она заметила накануне. Та же нелепая шляпа, тот же широкий пояс.

— Кто он? — спросила Рэйчел.

— Эдгар Прайс. Соседка узнала. Родственники ещё не уведомлены, — ответил капитан Кэл Марш.

Рэйчел сделала несколько шагов. На мокрой траве лежала оборванная нить искусственной паутины. На земле остались следы праздника: стаканчик, блестящая конфетная обёртка, бумажный билет от местной лотереи. Ничто не выделялось как улика. Грязи было столько, что по ней прошли бы целым парадом, не оставив ничего различимого.

— Хозяева?

— Ночевали у родственников в соседнем округе. Едут сюда. Говорят, подобного украшения у них вчера не было.

Рэйчел посмотрела на ветки. Она помнила, что проходила здесь с Ноа. Помнила его смех. Помнила фигуру, которая казалась купленной в супермаркете.

— Когда его заметили?

— Только утром. Женщина с собакой.

— Я видела его вчера вечером.

Кэл повернулся.

— Что?

— Не человека. Я видела пирата. Уже после девяти. Мы шли по другой стороне.

— Почему не подошла?

Она не ответила сразу.

Кэл задал вопрос из сегодняшнего утра. Вчера у него не было бы причин спрашивать.

— Потому что был Хэллоуин, Кэл.

У тротуара остановился автомобиль судмедэкспертов. Рэйчел уступила дорогу людям с оборудованием и отошла к калитке.

Там на пластиковой табличке было написано: «ОСТОРОЖНО: МЁРТВЫЕ НЕ КУСАЮТСЯ».

Кто-то из прибывших патрульных попросил её отойти от ленты. Она показала удостоверение и только тогда заметила, что всё ещё держит в руке телефон, на котором ночью фотографировала племянника.

Сьюзан ждала на другой стороне улицы. Ей принесли складной стул, но она не садилась: собака начинала скулить, стоило хозяйке опуститься. На асфальте лежало пятно разлитого кофе. Кто-то сунул Сьюзан бумажный стакан, она держала его слишком сильно и продавала пальцами тонкий картон.

Рэйчел подошла, когда тело уже закрыли от прохожих.

— Могу позвонить кому-нибудь?

— Я сама, — ответила Сьюзан.

Телефон был у неё в руке. На экране светилось имя племянницы; звонок так и не начался.

— Мне нужно знать... — Сьюзан оглянулась на двор. — Если бы я вышла раньше, это что-нибудь изменило бы?

Рэйчел не стала отвечать сразу. Ей хотелось облегчить чужое утро самым коротким способом, уверенно сказать «нет». Вместо этого она присела перед собакой, чтобы та перестала тянуть поводок, и попросила Сьюзан отойти на несколько шагов от калитки.

— Вы заметили. Вы позвонили. Больше никто ещё не сделал даже этого.

— Я хотела поправить ему ботинок.

Сьюзан произнесла это почти шёпотом. Собака принюхивалась к рукаву Рэйчел.

— Мне показалось, что он зацепился. Я хотела поправить, понимаете? Штаны задрались...

Она закрыла рот ладонью. Рэйчел поднялась и взяла у неё стакан. Бумага пропускала кофе, коричневая капля ползла по запястью.

Со стороны площади приближался бегун. Увидел машины, замедлил шаг. На нём была яркая куртка, на шее подпрыгивали наушники. Он оглядел двор и спросил, не снимают ли здесь кино.

Сьюзан отступила от него так резко, что собака залаяла.

Рэйчел объяснила мужчине, куда можно пройти. Он начал извиняться ещё до того, как понял, за что. Опустил телефон в карман и пошёл назад. Не побежал; просто шёл, неловко прижав локти к бокам.

Из соседнего дома вывели мальчика лет пяти. Он был ещё в пижаме, поверх неё — пальто. Его отец нёс ботинки и пытался обуть ребёнка на весу. Сын повторял одно и то же: он ночью слышал скрип, папа сказал, что скрипит дерево. Отец не отвечал. Поставил мальчика на капот своей машины, застегнул липучки, поднял на руки снова.

Рэйчел отвела Сьюзан к соседнему подъезду. Оттуда пришла пожилая женщина, имени которой она не знала. В руках у неё был второй поводок.

— Я погуляю с Рипли, — сказала она. — Он меня знает.

Собака обрадовалась, но Сьюзан не отпустила карабин. Женщина поняла и осталась рядом, не протягивая руки. Так они стояли втроём перед закрытой дверью, пока на улице продолжали хлопать багажники и говорить по рации.

Сьюзан наконец нажала на имя в телефоне. Когда племянница ответила, она заговорила совсем другим голосом, привычным, почти бодрым:

— Ты дома? Я к тебе сейчас приду. Нет, ничего не бери. Просто открой.

Она не попросила забрать её. Сжала поводок, поблагодарила соседку и пошла сама. На углу остановилась, посмотрела назад. Рэйчел подняла руку. Сьюзан кивнула, как на обычной утренней прогулке, и скрылась за домом.

Вернувшись к калитке, Рэйчел нашла возле бордюра детский пластиковый клык. Вода прижала его к решётке стока. Она не тронула его. Обошла с другой стороны и только тогда заметила, что держит чужой протекающий стакан. Она вдруг вспомнила о вчерашних фотографиях Ноа и достала телефон.

Она открыла галерею.

На втором снимке за плечом Ноа, глубоко на заднем плане, действительно висел пират.

Ноа на фотографии был серьёзен: клыки мешали ему сомкнуть губы. За его плечом качался Эдгар Прайс. Рэйчел погасила экран, но теперь видела обоих и с закрытыми глазами.

Ей впервые за много лет захотелось отменить уже прожитые полчаса.

Глава 5. Пять адресов

В восемь сорок две диспетчер сообщил о втором теле.

Рэйчел стояла у калитки на Олдер-стрит и слушала предварительные объяснения хозяев дома, когда услышала голос по рации. Сначала она решила, что речь о погибшем Прайсе, которого перепутали с новым вызовом. Диспетчер повторил адрес — Черч-стрит, дом Миллеров. Сидящая на крыльце женщина в костюме ведьмы.

— Это розыгрыш? — спросил капитан Марш.

Диспетчер ответил, что патрульный уже на месте. Женщина не подаёт признаков жизни. Вызвана скорая помощь.

Рэйчел и Кэл переглянулись.

Два адреса разделяли шесть кварталов. Между ними лежала площадь, где вчера стояла сцена, и десятки домов, на крыльцах которых сидели пластиковые ведьмы, вампиры и скелеты.

— Едем, — сказал Кэл.

Черч-стрит встретила их почти обычным воскресным утром. У кофейни очередь из людей в спортивной одежде. В витрине аптеки горел оранжевый фонарь. Двое подростков стягивали с дерева верёвочные гирлянды. Они остановились только тогда, когда увидели полицейские машины.

Ведьма сидела на верхней ступени, голова её клонилась к плечу. На мгновение Рэйчел испытала то же самое недоверие, что и при виде пирата: мозг искал в фигуре признаки манекена, потому что вчера научился находить их повсюду.

Потом она увидела лицо.

Линда Фокс. Рэйчел знала её по магазину в центре, где однажды покупала куртку сестре. Они разговаривали о погоде, а Линда сказала, что октябрь — единственный месяц, когда город не кажется таким уставшим.

Тело на крыльце не имело отношения к тому разговору. И всё-таки Рэйчел вспомнила именно его.

Миллеры стояли в гостиной за стеклом. Мужчина, которого звали Питер, держал ладони перед собой, словно их необходимо было предъявить кому-то невидимому. Его жена Кэрол сидела на диване, прижав пальцы к губам.

— Мы вернулись примерно в половине одиннадцатого, — начал Питер, когда Рэйчел вошла. — Она уже сидела там. Я думал, это украшение. Думал, кто-то пошутил. Мы её не переносили. Позже Кэрол придержала шляпу, когда я случайно задел её гирляндой.

— Вы не пытались снять маску?

— На ней не было маски. Шляпа закрывала лицо. Я... Мне казалось, что она пластиковая.

— Сегодня утром вы вышли на крыльцо?

— Хотел убраться, пока соседи не начали спрашивать. И тогда... — Он провёл ладонью по волосам. — Я сказал вчера жене: «Уберём завтра». Я сказал это именно так.

Рэйчел знала, что такое повторение одной фразы. Человек пытался найти точку, где ещё мог поступить иначе, и возвращался к ней, как к закрытой двери.

— Сейчас нам важно установить, когда она появилась, — сказала Рэйчел. — Всё остальное потом.

Питер поднял глаза.

— Вы не понимаете. Мы спали внутри. А она была у нас под дверью. Всё время.

Рэйчел не стала убеждать его, что он не мог знать. От этого предложения ему не стало бы легче.

На улице Кэл разговаривал по телефону с начальником окружного следственного отдела. Он говорил медленно, отчётливо называя два адреса.

— Возможно, связаны, — произнёс он. Потом, выслушав ответ, поправился: — Почти наверняка связаны.

Рэйчел вышла к тротуару. За лентой уже стояли люди. Некоторые были в праздничных толстовках. Маленькая девочка держала пластиковое ведёрко с нарисованным черепом. Её мать увидела, куда та смотрит, и поспешно повернула ребёнка лицом к себе.

У Рэйчел зазвонил телефон. Звонила Джун.

— Ты знаешь, что происходит? Говорят, кто-то умер в костюме пирата. Теперь ещё женщина на Черч-стрит. Рэйчел, мне пишут, что это один и тот же человек.

— Это два разных человека.

— Так страшнее.

Рэйчел посмотрела на оставшиеся после праздника украшения. На противоположном крыльце стояла пластиковая ведьма с зелёным лицом, и рядом с ней — пучок сухой кукурузы. Вчера она была бы просто смешной. Теперь женщина за лентой не могла отвести от неё взгляд.

— Джун, не пересылай слухи. Особенно фотографии.

— Уже поздно, — тихо ответила Джун. — Они повсюду.

Третьего нашли в девять семнадцать.

Патрульный, объезжавший квартал у дома Бентонов по распоряжению капитана Марша, остановился возле садовой скамейки. Вчера у неё фотографировались люди. Сегодня он увидел юношу в костюме зомби, который оказался Мэггом Хоу. Он выглядел почти ребёнком рядом с массивной каменной фигурой ангела, стоявшей у входа в дом.

Бентоны утверждали, что сами скамейку не украшали. Супруги уехали на вечер в соседний город, а дома оставался их сын-подросток. Он включал музыку и выглядывал из окна, но к появлению зомби отношения, по его словам, не имел. Фургон с оформителями, о котором говорила публика, приезжал днём исключительно из-за пластиковых надгробий.

Четвёртого обнаружили в десять ноль шесть возле бывшего цветочного магазина. Вампир Бен Эллис стоял там, где его ночью принимали за фигуру для витрины. Его узнала женщина, которая принесла ключи от здания владельцу. До этого он оставался частью композиции, которую никто не собирался убирать до конца недели.

Пятуго нашли в десять пятьдесят четыре.

Эвелин Моррис сидела у тыкв возле городского сада. Хранитель сада пришёл, чтобы сложить декорации после ярмарки, и сперва рассердился: кто-то оставил чужой манекен на территории, а ему придётся искать, кому он принадлежит. Через минуту он звонил в полицию, задыхаясь и повторяя слово «пугало».

С каждым звонком маршрут Рэйчел становился короче, а день длиннее. Она уже не ездила самостоятельно к каждому адресу: людей не хватало, и капитан распределил участки между патрулями и прибывшими из округа сотрудниками. Судебные медики осматривали места гибели по очереди. К полудню в управлении перестали отвечать на общие звонки — диспетчеры только записывали обращения и просили не приезжать без необходимости.

Пять тел. Пять обычных людей, которые вчера надели костюмы, чтобы отдохнуть.

Убитые были разного возраста, работали в разных местах и провели вечер в разных компаниях. Пока никто не обнаружил между ними связи. Ни один из домов, возле которых нашли тела, не принадлежал погибшим.

Кэл Марш стоял в дверях кабинета, когда Рэйчел вернулась.

— Люди уже собрались у других домов, — сказал Кэл. — Требуют проверить каждое пугало. Два патруля едут по адресам, остальные помогают здесь.

— Что ты сказал?

— Что у нас пять погибших, а остальное мы проверяем. И что никто не должен снимать украшения самостоятельно, если не уверен, что перед ним.

— После сегодняшнего люди не смогут смотреть на украшения.

Кэл молча кивнул.

Из окна участка было видно площадь. Работники муниципальной службы собирали ограждения. На сцене лежали сложенные стойки для микрофонов. Один из рабочих пинком отправил пластиковый череп в мешок, потом посмотрел на него и достал обратно, будто понял, что кто-то может принять его жест за оскорбление.

— Какие у нас основания считать, что это один убийца? — спросила Рэйчел.

— Пять мест, пять костюмов, одна ночь. По-моему, достаточно, чтобы работать совместно.

— Совместно — да. Но почему один?

— Я этого не сказал.

— Все остальные уже говорят.

Кэл прислонился к косяку.

— Ты хочешь искать пятерых?

— Я хочу не исключать сообщников только потому, что для одного человека это красивее звучит.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Что тебе нужно?

— Соберите наружные записи за всю ночь: городские, магазинные, с домов. Не только те отрывки, где люди в масках. Пусть видно будет, что происходило до их появления и после.

— На это уйдут дни.

— Тогда начнём сегодня.

Он помолчал, потом сказал:

— Илай поможет с записями. Из округа едет специалист. А я займусь улицами.

Через десять минут двор возле автомойки заполнили люди: отсюда было ближе всего до бывшего цветочного магазина. Сначала они просто стояли на краю проезда. Потом кто-то принёс картонную коробку из-под обуви, поставил на землю и предложил складывать в неё использованные бахилы, хотя никаких бахил проходим не выдавали.

Гейб Фостер вышел из бокса с длинным шлангом. Вода бежала из него тонкой струёй. Он свернул кран и спросил, кто припарковался перед въездом. Люди расступились; молодой мужчина в рубашке поверх пижамных брюк поднял руку.

— Уберите, пожалуйста. Сюда могут машины подъехать.

Тот сразу полез за ключами. Никто не подумал спросить, зачем именно сюда должны подъехать машины. Было понятно, что человек знает своё дело: он включил свет под навесом и поставил два пластиковых конуса.

Женщина с пакетом прижалась к ограде.

— Гейб, это правда ещё один?

— Не подходите к витрине, — ответил он. — Там сейчас работают.

Она подчинилась и потянула за рукав спутницу. Гейб поднял с асфальта пустую коробку, отнёс её к контейнеру. По дороге остановился возле мальчика, который пытался обойти толпу по проезжей части, взял его за капюшон и вернул на тротуар. Мать мальчика благодарно кивнула.

В автомойку вошёл постоянный клиент. На лобовом стекле его пикапа засохла грязь.

— Сегодня работаете?

Гейб посмотрел на очередь машин у перекрёстка.

— Лучше завтра.

— Опять всё перекроют.

— Поэтому и завтра.

Человек пожал плечами и ушёл. Гейб проводил его взглядом, задержался у открытого бокса. Рядом двое спорили, сколько тел нашли к этому часу. Один насчитал четыре, второй

говорил, что пять. Они смотрели друг на друга с ожесточением, будто от правильного числа зависело, кто лучше разбирается в городе.

— Полиция сама скажет, — произнёс Гейб.

От него не потребовали подтверждения. Он не повысил голос, не показал ничего, что заставило бы слушаться, — просто сказал привычным ровным тоном. Оба замолчали. Через минуту один помог ему убрать конус подальше от колеса.

За оградой посигналили. Гейб обернулся: белый фургон медленно проезжал перекрёсток. Водителя не было видно за опущенным козырьком. Он поднял ладонь на уровне руля; Гейб ответил таким же коротким движением.

Женщина с пакетом всё ещё стояла у ворот.

— Дочку не могу найти, — сказала она. — То есть знаю, где она. У подруги. Телефон не берёт.

Гейб предложил зарядное устройство, хотя телефон у женщины работал. Она вытащила его, посмотрела и разразилась слезами. У неё было шесть пропущенных звонков от дочери: она всё утро держала аппарат на беззвучном режиме и звонила со второго номера.

Гейб проводил её до скамьи у въезда. Подождал, пока установится соединение, и только тогда вернулся в бокс. Он закрыл дверь. За ней продолжали топтаться чужие ноги, голоса поднимались и стихали. Тонкая струйка воды, оставшаяся на полу, поползла до дренажного желоба.

Он долго смотрел, как она исчезает в щели. Потом вытер руки о полотенце, которое ещё не успел испачкать.

Рэйчел вышла в коридор. У дверей приёмной сидела пожилая женщина с бумажным пакетом, который давно промок снизу. Она приехала спросить, безопасно ли возвращаться домой после магазина. Офицер терпеливо объяснял, что улицы не перекрыты.

Женщина слушала, но, похоже, ждала ответа на другой вопрос: безопасно ли теперь вообще находиться в Ларквуде.

Такого ответа не было.

Глава 6. Белые кости на чёрном

К двум часам дня люди начали удалять фотографии.

Сперва — из уважения к погибшим. Потом — из страха обнаружить на заднем плане то, чего не замечали ночью. Несколько снимков уже успели обойти местные группы: девушка с поднятыми руками перед зомби, компания возле дерева с пиратом, две смеющиеся женщины у входа на Черч-стрит. Рядом с женщинами, почти незаметная в кадре, сидела ведьма.

Любая фотография, на которой был мёртвый человек, показывала ещё и тех, кто стоял рядом и ничего не понимал. Авторы снимков объясняли, что не могли догадаться. Комментаторы писали, что сами бы тоже не догадались. Затем кто-то обязательно спрашивал: «А как можно не заметить?» И спор начинался снова.

Рэйчел попросила пресс-службу не публиковать изображения тел. Кэл согласился, однако к вечеру они уже не могли управлять происходящим. Городские чаты разносили эти записи быстрее, чем управление успевало просить людей не пересылать снимки.

В супермаркете люди стояли в очереди, не переставая оглядываться на вход. Сотрудница раскладывала молоко и пыталась понять, не был ли мужчина за ней вчера одет скелетом. В химчистке два посетителя спорили о том, позволительно ли вообще оставлять украшения во дворах. В школе объявили, что занятия в понедельник пройдут по расписанию. Некоторые родители сообщили, что детей не приведут.

Ларквуд не опустел. Напротив, люди всё время куда-то ездили, звонили, заходили друг к другу. Они хотели быть рядом и одновременно стали бояться любого незнакомого лица.

В три тридцать Рэйчел приехала к сестре. Хотела убедиться, что Ноа не смотрит новости один, но обнаружила, что вся семья сидит за кухонным столом. Хелен не спала после ночной смены. Адам заклеил бумагой небольшое окно входной двери, на котором ещё вчера красовались наклейки-призраки.

— Зачем? — спросила Рэйчел.

— Не хочу, чтобы он смотрел на улицу и видел, что там кто-то стоит, — ответил Адам.

— Кто стоит?

— Никто. Пока никто.

Ноа поднял голову.

— Тётя Рэйчел, это правда, что украшения были людьми?

Она присела рядом.

— Да.

— А которые у нас на крыльце?

— У вас на крыльце пластиковые. Я видела их до праздника.

— Но как узнать наверняка?

Рэйчел приготовилась сказать, что взрослые всё проверят, но не смогла.

— Иногда только при свете дня, — ответила она.

Ноа кивнул с серьёзностью человека, которому объяснили правило, но не сообщили, почему оно существует.

Хелен проводила сестру к двери.

— Ты же была там вчера?

— Все были там вчера.

— Но ты проходила мимо одного из домов?

Рэйчел посмотрела на неё.

— Кто тебе сказал?

— Джун. Она слышала от кого-то из ваших.

— Да, проходила.

— Ты ничего не заметила?

— Нет.

Хелен не спросила, как можно было не заметить. Она просто обняла сестру.

Возвращаясь в управление, Рэйчел проехала мимо крыльца, где вчера Ноа получил две карамельки. Хозяева сняли гирлянды. Вместо вырезанной тыквы у калитки лежал чёрный мешок, наполненный мокрыми листьями.

Вечером городская газета опубликовала заголовок: «ПЯТЬ ЖЕРТВ. НИ ОДНОГО СВИДЕТЕЛЯ».

Рэйчел прочла его дважды. Слово «свидетель» казалось неточным. Свидетелей было, возможно, несколько сотен. Они ходили мимо, смеялись, фотографировали, разговаривали. Некоторые даже стояли рядом с телами.

Но никто не видел того, что следовало увидеть.

В понедельник в девять утра Илай Брукс принёс в маленькую переговорную второй монитор, три кабеля и два стакана кофе.

— Только не говори, что у тебя есть программа, которая определяет убийцу по тому, как у него сидит маска, — сказала Рэйчел.

— Такой программы нет. Но у меня есть та, которая зависает, если попросить её открыть четыре видео одновременно.

Илай служил в полиции шесть лет. Он был младше Рэйчел на десять и уже умел относиться к бессмысленным приказам без раздражения, что делало его полезнее некоторых людей с куда большим опытом. У него были спокойное лицо и привычка писать время каждого замеченного события на отдельных липких стикерах. В этот раз Рэйчел попросила его не приносить стикеры в переговорную.

— Только экраны, — сказала она. — Мы уже тонем в объяснениях. Мне нужно видеть, а не читать.

К ним присоединилась Нина Восс — специалист по цифровым записям из окружного управления. Её первое действие состояло не в том, чтобы нажать кнопку на ноутбуке, а в том, чтобы выключить верхний свет. На экранах сразу стало различимо больше, но изображение оставалось серым, сдавленным и неполным.

— Прежде чем начнём, — сказала Нина, — не называйте две похожие фигуры одним человеком, пока не найдёте между ними переход. Если кадр обрывается у автомобиля, за ним может оказаться кто угодно.

— Именно за это тебя и вызвали, — ответила Рэйчел.

Они начали с записи круглосуточного магазина. В 23:41 по тротуару прошла фигура в костюме скелета. В 23:43 следом появилась ещё одна. Нина поставила паузу.

— На первом рост, по ощущениям, около метра восьмидесяти. На втором примерно такой же. Реальные измерения невозможны без устойчивых ориентиров и поправок. Маска одинаковая, рисунок костей типовой.

— Это один человек? — спросил Илай.

— На двух соседних кадрах с двумя минутами разницы? Может быть. Но первая фигура ушла вправо. Вторая пришла слева. Между ними нет непрерывного наблюдения.

В 00:17 ещё один скелет прошёл мимо того же магазина. Он нёс бумажный стаканчик. В 00:19 двое скелетов двигались через перекрёсток вместе, но один оказался намного ниже другого.

К обеду они насчитали на трёх камерах одиннадцать появлений скелетов. У одного виднелся светлый шарф, у другого — неприкрытые волосы, третий нёс детское ведёрко. На паузе их легко было принять за компанию; при нормальной скорости они шли по разным делам.

— Мы пытаемся найти несколько одинаковых иголок в мешке одинаковых иголок, — сказал Илай.

— Сначала поймём, как они расходятся, — ответила Рэйчел. — Потом будем искать тех, кто сходится.

Около четырёх часов им передали запись магазина на южной окраине. Камера смотрела на боковую стену и захватывала небольшой кусок тротуара. На ней в 21:56 прошли три скелета. Почти плечом к плечу. У крайнего слева в руке был пластиковый пакет, средний обернулся в сторону дороги, третий отстал на несколько шагов.

Илай приблизился к экрану.

— Вот они.

Рэйчел молчала.

— Трое, — продолжал он. — Смотри. Практически одинаковые костюмы, идут вместе. Нина несколько секунд прокручивала запись вперёд и назад.

— Трое в одинаковых костюмах идут вместе, — поправила она. — Это всё, что мы знаем.

— Но они были там ночью убийств.

— Все в городе были там ночью убийств.

Илай откинулся на стуле.

Рэйчел смотрела на три фигурки в углу изображения. У них не было видимых лиц. Чёрная одежда поглощала свет, кости белели и мигали, когда на них попадал свет фар.

— Сначала проследите, куда они ушли, — сказала Рэйчел. — Если на следующем перекрёстке окажутся три других скелета, не станем поздравлять себя с находкой.

На экране три скелета свернули за угол и исчезли.

Вечером Джейсон Пирс вышел к почтовому ящику и увидел на воротах кривую белую линию. Она шла от верхней перекладины к засову; на уровне груди расходилась на три коротких ответвления. Он не сразу понял, что это должно означать. Решил, что школьники снова рисуют мелом после праздника, и стёр часть линии рукавом.

Мел не поддался. Это была краска.

На тротуаре стоял сосед. Он видел, как Джейсон трёт ворота, но не предложил растворитель, хотя в гараже у него всегда находилось всё. Они поздоровались. Сосед посмотрел на красные кроссовки и спрятал руки в карманы.

— У тебя камера работает? — спросил Джейсон.

— Не в эту сторону.

— Ясно.

Они помолчали. За спиной Джейсона открылась входная дверь. Его дочь, Мэй, вышла в одной туфле и села на ступеньки надевать вторую.

— Можно к Софи?

— Сегодня останься дома.

— Почему?

Джейсон не ответил. Сосед ушёл к своей машине и долго возился с замком, хотя нажать нужно было одну кнопку. Мэй застегнула туфлю, поднялась, подошла к воротам. Посмотрела на белую линию.

— Кость?

— Кто-то нарисовал.

— Это наша?

Джейсон присел перед ней. У девочки на щеке остался блеск от вчерашнего грима. Они смывали его дважды, но дешёвые блёстки не хотели уходить.

— Это просто краска, Мэй.

Она потрогала линию пальцем. Джейсон хотел остановить, не успел. На коже остался белый след, как от школьной замазки. Он повёл дочь мыть руки.

Жена стояла у кухонного окна и держала телефон экраном к себе.

— Не читай, — сказал Джейсон.

— Я не читаю.

Но она читала. На столе лежала новая пачка салфеток, вскрытая криво: жена потянула слишком сильно и порвала верх. Мэй спросила ещё раз про Софи, получила тот же ответ и ушла в комнату. Через тонкую стену было слышно, как она сдвигает коробку с игрушками.

Джейсон открыл шкаф под мойкой. Там стояло средство для снятия лака, уксус, отбеливатель. Ничего подходящего. Он вышел в гараж, взял тряпку и керосин. Вернулся к воротам уже в темноте.

Мимо проехала машина. Замедлилась, затем поехала дальше. В следующей сидел человек с телефоном у стекла. Джейсон отвернулся. Тереть пришлось долго; краска размазывалась по дереву, линия становилась шире и мутнее. На соседнем крыльце погас свет. Другой сосед вышел покурить и остался за дверью, там, где его не было видно с тротуара.

Когда руки начали мёрзнуть, Джейсон выпрямился. В окне детской стояла Мэй. Белый отпечаток её пальца он уже смыл, но девочка продолжала разглядывать руку.

Он поднял ладонь. Она не ответила сразу. Потом тоже подняла — медленно, словно между ними начиналась незнакомая игра.

Джейсон оставил ведро у ворот. На следующий день собирался купить растворитель. Через три минуты вернулся за ведром и убрал в гараж: почему-то показалось опасным оставлять снаружи даже его. Закрыв засов, проверил, не видно ли свет из детской, и задёрнул штору. Мэй сказала, что ей теперь темно. Он включил лампу и сел рядом с её кроватью, всё ещё пахнувший керосином.

Глава 7. Девять минут

В понедельник, на следующий день после обнаружения пяти тел, Гейб Фостер открыл автомойку в обычное время.

Он всегда открывал её в восемь тридцать, даже если первые клиенты приезжали только к десяти. По утрам ему нравилось быть одному: включить отопление, подмести листья у въезда, проверить бачок с моющим средством. У него была привычка разговаривать с инструментами, когда никто не слышит. Если что-то не включалось, он называл предмет полным именем и просил больше так не делать.

В десять пятнадцать приехала женщина на красной машине. Она не стала выходить сразу, а долго смотрела на висящую у кассы оранжевую гирлянду.

— Может, снимете? — спросила она.

— Гирлянду?

— Не знаю. После всего этого странно.

Гейб посмотрел на гирлянду так, будто впервые её заметил.

— Конечно, — сказал он. — Вы правы.

Он снял украшение, свернул провод и убрал в ящик. Женщина заметно расслабилась и спросила, кто мог сделать такое с пятью людьми. Гейб ответил, что не знает и что в мире хватает больных людей. Разговор получился коротким, но обоим показалось, что они обменялись чем-то важным.

В полдень к нему заехал Крис Далтон, работавший в небольшой компании по ремонту вентиляции. Они знали друг друга с подросткового возраста. Крис был широкоплечим, говорил громко и умел развлекать незнакомых людей историями, которые у него с каждым пересказом становились длиннее. Он купил кофе и пожаловался, что в городе теперь смотрят на людей так, будто у каждого под курткой спрятан нож.

— Может, люди просто напуганы, — ответил Гейб.

— Все испуганы. Даже те, кто сам ничего не боится.

Через несколько минут появился Аарон Кин, худой, в застиранной рабочей куртке. Он управлял складом упаковочных материалов на южной окраине и почти всегда опаздывал на встречи, потому что соглашался на просьбы, которые мог бы отклонить.

— Вы уже обедали? — спросил он.

— Мы ждали тебя, — сказал Крис. — Успели состариться.

— Я говорил, что задержусь.

— Ты всегда говоришь, что задержишься. И всегда задерживаешься.

Они посмеялись. Гейб закрыл кассу на несколько минут и пошёл с друзьями в соседнюю закусочную.

За обедом они говорили о подорожавших запчастях, футбольном матче и том, какой ужасный кофе готовят в полицейском управлении. Ни один не возражал, когда официантка упомянула убитых. Крис даже сказал, что надеется на быстрое расследование: у него племянница должна была выступать в школе, а её родители теперь боялись отпускать дочь на репетиции.

Снаружи у закусочной на двери ещё висел бумажный скелет. Трое мужчин вышли мимо него, не обратив внимания.

Ларквуд продолжал узнавать их лица как знакомые и безопасные.

У автомойки их ждал Оуэн Белл. Он держал в руках пластиковую лопату и выглядел человеком, который случайно вышел из магазина вместе с товаром. Когда-то Оуэн торговал только крепежом, потом добавил садовые мелочи; теперь его лавка занимала угол бывшего мебельного салона.

— Не для снега, — пояснил он, увидев взгляд Криса. — Тыкву убрать. У меня дочка свою об асфальт разбила. Жена говорит, я должен был ещё вчера её вынести.

— Тыкву или дочку? — спросил Крис.

Оуэн не засмеялся. Крис первым отвёл глаза, потеряв шею.

Гейб открыл боковую дверь и пропустил остальных внутрь. Оуэн остался стоять на пороге; с лопаты капала мутная вода.

— Я на минуту. Мужики хотят по вечерам пройтись. Вдоль Черч, потом к саду. Полиция везде не успевает.

— Какие мужики? — спросил Гейб.

— С наших улиц. Кого знаем.

Крис поставил кофе на стол. Аарон начал развязывать шарф, но остановился. Оуэн смотрел только на Гейба. Ему нужен был человек, который скажет: хорошая мысль, я с вами. Тогда обход перестанет быть его личной попыткой справиться со страхом.

— Я до девяти, — сказал Гейб, кивнув на бокс. — Но свет у въезда оставляю.

— Уже хорошо.

Оуэн повеселел. Спросил, не замечали ли они чужих машин, не приезжал ли кто-нибудь мыть салон среди ночи. Крис с готовностью открыл рот, но Гейб заговорил первым:

— У меня не круглосуточная.

— Знаю. Я вообще спрашиваю.

Он потеревил край лопаты. На пластике белели свежие царапины. Аарон зачем-то следил за его пальцами.

— Главное, без детей, — сказал Гейб.

— Разумеется. Потому и идём, чтобы они могли выйти.

Оуэн ушёл через двор. Прикрыл дверь локтем, чуть не выронил лопату и подхватил её у самой земли. Крис усмехнулся.

— Теперь будет у нас ночная стража. Тебя главным выберут.

— Я никуда не пойду.

— А зря. Смотрелся бы.

Гейб включил воду в маленькой раковине. Аарон стоял в дверях бокса. Снаружи Оуэн уже остановил прохожего и показывал рукой маршрут. Отсюда было не слышно ни слова, только видно, как человек сначала отказывается, потом остаётся слушать.

— Это плохо, — сказал Аарон.

Крис обернулся.

— Для кого?

Аарон пожал плечами, словно вопрос был слишком общим. Он всё-таки развязал шарф и тут же завязал снова.

Позже Гейб увидел Оуэна во второй раз. Тот остановился у пустого цветочного магазина и смотрел на ограждение. Лопаты при нём уже не было. Он выглядел меньше, чем утром: плечи подняты, голова втянута. Гейб погасил наружный свет на несколько секунд, проверяя выключатель. Оуэн сразу повернулся. Когда лампа снова загорелась, он поднял руку в благодарность.

Гейб постоял у выключателя. Потом оставил свет, как обещал, и пошёл закрывать кассу.

* * *

Рэйчел в это время смотрела на другой скелет.

Его лицо было белым пластиком, рот — чёрной полосой. На видео он стоял у светофора на Черч-стрит в 22:18. Позади двигались люди. Край экрана каждые несколько секунд закрывала машина, и скелет то исчезал, то появлялся снова.

— Если он пошёл в переулок, он мог оказаться возле крыльца Миллеров, — сказал Илай.

— Если пошёл, — уточнила Рэйчел. — У нас нет кадра, где он туда сворачивает.

— У нас вообще половины города нет на кадрах.

— Значит, половину города мы не видели. Это не повод дорисовать остальное.

Нина принесла изображение с камеры маленькой аптеки. На нём тот же перекрёсток был виден с другой стороны. В 22:18 возле светофора стояли двое скелетов. Один прятался за рекламной стойкой и почти не попадал в кадр.

— На первом видео кажется, что это один человек, — сказала Нина. — На втором видно двоих. А теперь представьте, что второй ракурс у нас отсутствует.

Рэйчел кивнула.

— Тогда у нас был бы один человек, способный совершить два действия в разных местах.

— Именно.

После повторного просмотра Илай зачеркнул предполагаемый переход в своей рабочей схеме. На соседнем перекрёстке появились двое других скелетов, но между камерами оставался боковой проулок. Илай с досадой убрал пальцы с клавиатуры.

Поздно вечером Рэйчел вышла во двор управления. Ветер перелистывал под ногами мокрые листья. Она услышала шаги за собой и резко обернулась: Илай догонял её с забытыми ключами.

Во вторник утром у Илая появилась первая красивая версия.

На камере возле бывшего цветочного магазина скелет проходил в 01:12. На записи с перекрёстка у городского сада похожая фигура появлялась в 01:18. Между адресами было почти два километра, если идти по улицам, и меньше — если срезать через маленький парк.

— Шесть минут, — сказал Илай. — Значит, он торопился. Или ехал на машине, которую мы не видим.

— Или это два разных человека, — ответила Рэйчел.

— Но между ними идеальный маршрут. Он мог оставить Бена у магазина, а потом поехать к саду с Эвелин.

Рэйчел попросила повторить запись.

Фигура у цветочного магазина двигалась вдоль тротуара, почти у самой стены. Голова повернулась к дороге, затем скелет вышел из кадра. Другая камера показывала перекрёсток у сада. Там скелет на мгновение возник между фарами двух машин и исчез за зданием автобусной остановки.

— А ты проверил часы? — спросила Нина.

Илай обиделся.

— Конечно. Даты совпадают.

— Я про часы камер. Не про календарь.

На экране над витриной магазина время менялось рывками. Устройство установили много лет назад, и владелец не помнил, когда оно последний раз соединялось с точным временем. Камера возле сада принадлежала муниципалитету и обновляла часы автоматически.

Нина выбрала фрагменты, на которых обе камеры захватывали одну и ту же машину: городской автобус ночного маршрута, единственный, который проходил через оба участка улицы. На одном экране он покидал перекрёсток на девять минут позже, чем должен был согласно движению по другому. Разница сохранялась и при следующих пересечениях маршрута.

— Значит, время у цветочного неправильное, — сказал Илай.

— Да. На девять минут.

Версия рассыпалась. Скелет возле магазина оказывался там не за шесть минут до появления второго, а через несколько минут после него. Быстрый маршрут превращался в бессмысленное совпадение.

В тот же день местный новостной сайт опубликовал увеличенный стоп-кадр из любительского видео. На нём человек в костюме скелета стоял у дома Бентонов. Под заголовком спрашивали: «ОН БЫЛ РЯДОМ?» Через час в комментариях появилось имя: Джейсон Пирс,

преподаватель рисования в местном колледже. Его якобы узнали по форме плеч и красным кроссовкам.

К вечеру Джейсону позвонили незнакомые люди. Кто-то написал краской слово «УБИЙЦА» на его воротах. Соседка перестала здороваться с ним, хотя жила через стену пятнадцать лет.

Рэйчел увидела публикацию, когда возвращалась из управления. Её остановили на заправке и спросили, правда ли подозреваемого нашли. Она ответила, что нет, и попросила не распространять неподтверждённые сведения.

— Но на видео же он, — настаивал мужчина у кассы.

— На видео человек в костюме скелета.

— Красные кроссовки совпадают.

— В Ларквуде продают красные кроссовки не одному человеку.

Мужчина покачал головой так, будто она специально скрывала очевидное.

На улице уже темнело. Рэйчел посмотрела на отражение заправки в лужах и подумала о Джейсоне, которого уже осуждали незнакомые люди. Этот город уже выбрал удобного виновного — и, кажется, даже не собирался спрашивать, откуда взялась уверенность.

Глава 8. Человек с красными кроссовками

В среду утром Джейсон Пирс пришёл в управление сам.

Он был высоким, слегка сутулым, с обветренным лицом и такой усталостью в глазах, будто несколько ночей подряд не спал. На нём действительно были красные кроссовки. Он показал их Рэйчел, не дожидаясь вопроса.

— Могу снять. Возьмите, если хотите. Только скажите людям, что я никого не убивал.

— Мы не объявляли вас подозреваемым.

— Им это неважно.

Он сел напротив неё и посмотрел на окно. За стеклом женщина проходила к машине, неся коробку с выпечкой. Джейсон следил за ней, пока та не скрылась за дверью.

— Вчера кто-то стоял возле моего дома. Не фотографировал, не стучал. Просто смотрел. Как будто ему уже известно, кто я.

Рэйчел задавала ему вопросы, которые могла задать любому участнику праздника: где был, с кем гулял, когда вернулся домой. Он отвечал, но она не делала из его слов доказательство. После разговора позвала Илая и попросила найти на записях не красные кроссовки, а всю возможную последовательность появлений человека с красными кроссовками.

Они начали с площади. В восемь тридцать Джейсон в костюме скелета появился возле сцены. На нескольких камерах его обувь попадала в свет витрин. В девять десять он стоял возле палатки с сувенирами. Через полчаса двигался к стоянке перед библиотекой. Но после десяти любые предположения становились непрочными: красные кроссовки встречались ещё на двух фигурах, одну из которых они сумели отделить от маршрута Джейсона благодаря тому, что обе оказались на одном видео.

— Вот, — сказала Рэйчел. — В кадре два человека с красной обувью и одинаковыми масками. Они не похожи на одного даже если очень захотеть.

Нина поставила ролик на паузу. Слева и справа от фонарного столба белели два одинаковых черепа.

— А теперь покажи мне кадр у Бентонов, — попросила Рэйчел.

Там виднелось только одно пятно красного цвета внизу изображения. Сверху — фигура в скелетном костюме. Никакого лица.

— У нас недостаточно оснований утверждать, что это Джейсон, — сказала Нина.

— И недостаточно, чтобы исключить. Но по крайней мере нельзя делать из обуви удостоверение личности.

К вечеру управление выступило с коротким сообщением: личность человека на опубликованном кадре не установлена; оснований обвинять Джейсона Пирса нет. Рэйчел настояла на этой формулировке, хотя капитан опасался, что её воспримут как попытку защитить подозреваемого.

Сообщение помогло лишь отчасти. Кто-то стёр надпись с ворот Джейсона. Кто-то написал в интернете, что полиция покрывает своих знакомых. А сам Джейсон, уже уходя из управления, спросил:

— Вы ведь тоже надеялись, что это я?

Рэйчел долго смотрела ему вслед.

Она действительно надеялась. Не именно на Джейсона — на лицо, которое можно было бы подставить под маску и тем самым сделать мир снова понятным.

Джейсон возвращался домой пешком. Машина оставалась в ремонте, и раньше это его не раздражало: по пути можно было зайти в книжный и купить Мэй булочку. Сегодня он шёл, глядя на носки кроссовок. Красный цвет казался нелепо ярким для такой грязной погоды.

У лавки Оуэна стоял мужчина, с которым Джейсон каждую весну обсуждал бейсбол. Увидел его, убрал руки с капота и пошёл внутрь. Джейсон остановился. Ему хотелось войти следом, спросить, куда тот спешит. Он даже повернул к двери, но в стекле отразилось собственное лицо, злое и чужое. Он развернулся обратно.

Джун открыла дверь пекарни прежде, чем он дошёл до ступеньки.

— Белый или с семечками?

— Что?

— Хлеб. Для тебя отложить?

На прилавке лежали четыре буханки. Ни одна не была отложена. Джейсон посмотрел на них и почувствовал, как к горлу подступает неприятное тепло.

— С семечками.

Джун взяла бумажный пакет. Покупательница у окна перестала завязывать шарф. Она внимательно разглядывала его обувь, не пытаясь скрыть, что узнала. Джейсон повернул левую ногу носком к стойке.

— Вот и не нужно, — сказала Джун.

Он поднял голову.

Она смотрела на него, но обращалась к женщине у окна. Та покраснела, резко затянула узел и вышла, оставив на столике недоеденный кусок пирога. Дверь закрылась с таким звоном, словно разбилось стекло.

— Не стоило, — сказал Джейсон.

— Пирог теперь выбрасывать.

Джун закрутила верх пакета. Сдала ему лишнюю монету; он вернул. Оба сделали вид, что только это и требовало внимания.

— У Мэй всё хорошо? — спросила она.

— Её не позвали на день рождения.

Джун перестала двигаться. Потом сказала, что у детей всё меняется по десять раз в день. Джейсон кивнул, хотя они оба знали: решение о сегодняшнем дне рождения принимали взрослые.

Он вышел с хлебом под мышкой. У крыльца девушка в наушниках резко повернула голову и прижала к себе сумку. Возможно, она просто не ожидала, что откроется дверь. Джейсон уже не умел выбирать это простое объяснение.

У ворот дома лежала мокрая тряпка. Кто-то действительно пытался отмыть надпись, но ушёл, не закончив. Стала видна ещё одна линия, которой Джейсон не замечал вечером. Она тянулась к засову и заканчивалась белым пятном в форме ладони.

В окне появилась жена. Он показал хлеб, как будто принёс доказательство, что день ещё можно прожить нормально. Она улыбнулась одними губами и отошла открывать.

Вечером Джейсон убрал красные кроссовки в коробку. Нашёл старые серые туфли; правый шнурок был слишком короток. Он сидел в прихожей, пытался завязать узел и вдруг понял, что разозлился на обувь. Так сильно, что едва не швырнул её в стену.

Мэй вышла из комнаты и села рядом. Положила на колени свой ботинок, терпеливо вытянула оба конца шнурка.

— Давай вместе, — сказала она.

Он взялся за концы. У девочки получилась аккуратная петля. У него — уродливый двойной узел, который уже нельзя было развязать пальцами.

В ту ночь в ворота Джейсона бросили бутылку. Она не разбилась: упала на траву, откатилась к столбу. Звук получился негромким, но Мэй вскочила с кровати. Жена побежала к ней. Джейсон вышел в прихожую, вытащил из подставки зонт и сразу поставил обратно.

За воротами стояли двое мужчин. Он узнал одного: покупал у него когда-то доски для школьного стенда. Второго не знал. Оба были без масок. От этого Джейсон почему-то испугался сильнее, чем испугался бы наряженных подростков.

— Убирайтесь, — сказал он из дверей.

Первый развёл руки.

— Мы поговорить.

Бутылка лежала между ними и воротами. Никто не смотрел на неё. Джейсон не стал спрашивать, что именно хотят сказать. Он знал эти первые фразы: мы не утверждаем, мы просто хотим знать, почему бы тебе не объяснить. После них любой отказ становился подтверждением.

— Я вызову полицию.

— Вызывай. Пусть тоже послушают.

За спиной скрипнула ступенька. Мэй стояла в коридоре. На ногах у неё были разные носки. Джейсон повернулся к жене, та сразу увела дочь, но мужчины уже увидели. Первый перестал улыбаться.

— Мы же не к ребёнку.

Джейсон закрыл дверь. Замок не хотел проворачиваться: он слишком сильно тянул ручку на себя. За окном кто-то прошёл вдоль забора. Он набрал номер, назвал адрес и услышал собственный голос — ровный, чужой, будто сообщает о протечке.

Жена стояла у лестницы. Мэй держала её за рукав.

— Они уйдут? — спросила девочка.

— Да.

— Ты точно знаешь?

Он посмотрел на маленькую руку, вцепившуюся в ткань. Сказал «да» ещё раз и подошёл к окну. Не собирался открывать занавеску широко. Хотел только понять, где мужчины.

Первый стоял у калитки. Второй уже оказался во дворе.

Джейсон не увидел, как тот перелез. Не услышал. Просто человек теперь был по эту сторону, возле велосипеда Мэй, и отодвигал его ногой, чтобы пройти. Всё внутри Джейсона сорвалось с места.

Он открыл дверь и вышел.

— Вон!

Мужчина поднял руки, но не отступил. За калиткой первый говорил, что не нужно горячиться. Джейсон почти не слышал. Видел только чужой ботинок рядом с розовым колесом. Сделал шаг вперёд, схватил незнакомца за куртку.

Тот толкнул его. Джейсон ударился спиной о дверной косяк. Из дома закричала жена.

У калитки загремел засов. Оуэн Белл, возвращавшийся из магазина, дёргал запёртую створку. Первый мужчина пытался ему что-то объяснить, Оуэн отодвинул его рукой.

— Откройте! Джейсон!

Незнакомец снова поднял ладони. Теперь действительно хотел уйти. Но Джейсон держал его куртку так сильно, что не сразу сумел разжать пальцы. Человек попятился к воротам. Джейсон пошёл следом, открыл засов, едва не ударив Оуэна створкой.

— Ничего не было, — сказал незнакомец.

Оуэн встал между ними. Посмотрел на бутылку, на велосипед, на открытый вход, откуда продолжала кричать женщина. Потом повернулся к первому:

— Иди на ту сторону.

— Ты же сам говорил...

— Иди.

Короткое слово подействовало. Мужчины вышли за калитку, но не ушли. Остались ждать патруль, как будто присутствие полиции могло вернуть им правоту. Оуэн не стал говорить с ними. Поднял велосипед и прислонил к стене.

Джейсон стоял у двери. Болело плечо. Он не смотрел на Оуэна: видел его раньше среди тех, кто обсуждал ночные обходы. Не мог сейчас благодарить человека за то, что тот остановил других людей, которые говорили почти его словами.

Оуэн это понял. Не подошёл. Просто остался у калитки, лицом к улице.

Илай приехал через несколько минут. Джейсон отвечал ему во дворе, жена — другому сотруднику у двери. Мэй увели наверх, но она села на лестнице и слушала. Когда отец поднял голос, мать попросила говорить тише. Он немедленно замолчал.

Мужчины снаружи продолжали объяснять, что никакой угрозы не было. Один сам положил руки на капот патрульной машины, хотя его об этом не просили. У обоих были совершенно обычные лица. Джейсон посмотрел на них и понял: завтра они пойдут на работу, расскажут свою версию, снова услышат, что люди просто боятся. Ему же придётся объяснять дочери, почему незнакомец стоял возле её велосипеда.

Оуэн поднял бутылку, но Илай остановил его. Она осталась на траве. Теперь вокруг этой маленькой вещи тоже нужно было ждать, смотреть, разбираться. Джейсон повернулся и пошёл в дом.

В прихожей Мэй сидела на нижней ступеньке. Он присел перед ней. Девочка смотрела на его плечо.

— Тебя ударили?

— Толкнули.

— А ты его?

Джейсон выдохнул.

— Я схватил за куртку.

— Почему?

Он не знал, как рассказать про велосипед, про ботинок, про то, что одна чужая нога в твоём дворе может уничтожить всё терпение. Сказал, что рассердился. Мэй потрогала его руку.

— Ты теперь тоже плохой?

Он закрыл глаза на секунду. Потом обнял её. Она не сопротивлялась, но продолжала ждать ответа.

— Я должен был остаться в доме, — сказал он. — И дожждаться помощи.

За дверью ещё разговаривали. Жена закрыла занавеску. Джейсон поднял дочь на руки и отнёс в кровать. Её ноги уже не помещались у него на предплечье; одна туфля, забытая на верхней ступеньке, мешала пройти. Он перешагнул и подумал, что утром они вместе уберут велосипед. Внутрь. Пока — внутрь.

Вечером Рэйчел вернулась домой раньше обычного. Она поставила чайник, сняла обувь и увидела в прихожей пластиковые клыки, которые забыла выбросить. Два белых кусочка, никак не похожих на настоящие зубы.

Она убрала их в ящик и тут же открыла его снова.

Вчера Рэйчел видела на записи просто скелета. Теперь перед ней стоял человек, который не мог надеть красные кроссовки без того, чтобы соседи не обернулись. Ей было трудно решить, что страшнее: такая перемена или её собственная готовность сначала поверить совпадению.

Телефон завибрировал. Илай прислал короткое сообщение: «Кажется, мы всё время смотрим не туда».

На следующее утро Илай не стал включать монитор, пока Рэйчел не допила кофе.

— Я пересмотрел всё с самого начала. Не скелетов. Места.

— И?

— Смотри.

Он запустил запись с камеры у перекрёстка Черч-стрит. На изображении виднелась нижняя часть дома Миллеров, край тротуара и дорожка, ведущая к крыльцу. Само крыльцо скрывали кусты. В 22:04 мимо прошёл мужчина в костюме динозавра. В 22:06 — двое людей без масок. В 22:09 вдоль забора двигалась группа скелетов, но за припаркованной машиной они пропали.

— Что здесь необычного? — спросила Рэйчел.

— Ничего. Пока не смотришь на следующий кадр.

В 22:17 одна из фигур появилась на другой стороне перекрёстка. Её плечи были закрыты тёмным материалом, на котором едва виднелась белая линия. Рэйчел хотела назвать это скелетом, но остановилась. Тот же рисунок носили десятки людей.

— Ты хочешь связать появление ведьмы на крыльце с этой группой?

— Не напрямую. Я хочу показать, что мы считали время от момента, когда Миллеры вернулись домой. Они сказали, что видели ведьму в половине одиннадцатого. Но камера позволяет ограничить другое: до 22:04 дорожка видна через просвет в кустах, и там ничего не стоит. После 22:17 появляющаяся у дорожки тень уже закрывает нижнюю часть фонаря. Значит, что-то изменилось в этот промежуток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.